

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия**
Архив журнала «Христианское чтение»

С.М. Зарин

**Значение страстей в
духовной жизни, их сущность и
главные моменты развития, по
учению святых Отцов аскетов**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1904. № 4. С. 483-515.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Значеніе страстей въ духовной жизни, ихъ сущность и главные моменты развитія, по ученію свв. отцовъ-аскетовъ.

I

Двусторонній характеръ нравственнаго христіанскаго совершенствованія.—Борьба со „страстями“, какъ неизбѣжный моментъ этого совершенствованія.—Вытекающая отсюда принципиальная важность и практическая необходимость точнаго этико-психологическаго анализа „страстей“.—Особенная цѣнность собственно аскетическаго анализа страстей.—Полная сила грѣховнаго зла проявляется только при условіи борьбы со „страстями“.

По православному ученію, спасеніе, вѣчная жизнь, достигается каждымъ человѣкомъ только при условіи нравственнаго усовершенствованія христіанина; это послѣднее и служить ближайшею цѣлью его напряженной всесторонней работы, аскетическаго подвига.

Но нравственное совершенствованіе не можетъ быть органическимъ процессомъ безпренятственнаго развитія, постепеннаго положительнаго раскрытія силъ человѣка, такъ какъ послѣднія повреждены грѣхомъ, нравственною порчею,—онѣ не только мало или недостаточно развиты въ человѣкѣ, но получили въ немъ именно ложное направленіе, извращены, или, по крайшей мѣрѣ, всегда обнаруживаютъ склонность пойти этимъ превратнымъ путемъ. Словомъ, человѣкъ долженъ не только, съ помощью благодати, воспитать себя, но именно *перевоспитать*; истинная жизнь можетъ завоевать себѣ господство въ природѣ человѣка не иначе, какъ путемъ вытѣсненія ложнаго, извращеннаго направленія ея паличнаго состоянія. Христіанская жизнь, слѣдовательно, не можетъ совершаться въ пра-

вильной послѣдовательности положительнаго безостановочнаго и безпрепятственнаго развитія, поскольку обязательно требуется при этомъ постоянное выдѣленіе нездоровыхъ элементовъ, заключающихся въ человѣческой природѣ и личности,—постоянное искорененіе старой закваски ¹⁾. Облеченіе «въ новаго человека, созданнаго по Богу, въ праведности и святости истины» ²⁾ осуществиться реально можетъ не иначе, какъ путемъ нераздѣльно и параллельно съ этимъ положительнымъ процессомъ совершающагося «отложенія прежняго образа жизни ветхаго человека, истлѣвающаго въ обольстительныхъ похотяхъ» ³⁾.

Для того, чтобы достигнуть въ человѣкѣ своего осуществленія, христіанская добродѣтель должна явиться въ человѣкѣ борющейся (и при томъ «до крови», «противъ грѣха» ⁴⁾), а не просто возрастающей и крѣпнущей. По словамъ преп. *Макарія Е.*, волею Божіею требуется *совершенное очищеніе отъ грѣха*, освобожденіе отъ постыдныхъ страстей и пріобрѣтеніе самой высокой добродѣтели, т. е. очищеніе и освященіе сердца» ⁵⁾. Такимъ образомъ и въ подвигѣ христіанина, поставившаго своею цѣлью достиженіе нравственнаго совершенства, необходимо слѣдуетъ различать *два теченія* или двѣ стороны: положительную и отрицательную. По словамъ преосв. *Феофана*, «въ непрерывной связи съ прямымъ положительнымъ занятіемъ силъ всегда стоитъ непрямое, направленное къ прогнанію зла и страстности, возстающей въ нихъ, иначе *борьба со страстями и похотями*» ⁶⁾. И это очищеніе отъ гнилыхъ остатковъ ветхаго человека должно проходить чрезъ *всю область личной жизнедеятельности* и притомъ на протяженіи *всей жизни* человека ⁷⁾. Отсюда, и для цѣлесообразнаго примѣненія аскетическихъ средствъ необходимо по существу дѣла ясное представленіе не только идеала нравственнаго совершенства, но и противнаго ему состоянія—грѣховной невозрожденности, извращенности человѣческой природы и ея силъ. Отсюда понятно, почему борьба со страстями и ихъ побѣда составляютъ необ-

¹⁾ Ср. I Кор. V, 3.

²⁾ Еф. IV, 24; ср. 2 Кор. IV, 16; Кол. III, 10.

³⁾ Еф. IV, 22; ср. Римл. VI, 6; Гал. V, 24. ⁴⁾ Евр. XII, 4.

⁵⁾ De perfectione in Spiritu, c. II. Patrologiae Curs. Complet. S. Gr. T XXXIV, col. 844 A.

⁶⁾ Путь ко спасенію. Изд. 8-ое. Москва. 1899. Стр. 267; ср. стр. 73 188, 201.

⁷⁾ Ср. 1 Иоан. I, 8; Іак. III, 2.

ходимую принадлежность и неизбѣжный долгъ всякаго истиннаго христіанина ¹⁾ и вообще человѣка, стремящагося къ нравственному оздоровленію и нормальной жизни. И дѣйствительно, всякая моральная система, религіозная и философская, если не считать, конечно, антиномистическихъ, видное мѣсто отводить борьбѣ человѣка со страстями, хотя понимаетъ послѣднія неодинаково, въ зависимости отъ своихъ общихъ началъ и предпосылокъ, различнымъ образомъ опредѣляя ихъ источникъ и характеръ, а также, въ зависимости отъ этого, и способы и приемы борьбы съ ними. Поэтому для того, чтобы выяснитъ специфическія особенности христіанскаго аскетизма, необходимо представить прежде всего возможно точный анализъ аскетическаго ученія о природѣ и характерѣ *страстей*. По общему смыслу святоотеческаго аскетическаго міровоззрѣнія, добро, религіозно-нравственное совершенствованіе для достиженія единенія съ Богомъ,—естественно для человѣка въ томъ смыслѣ, что вполне соответствуетъ самой идеѣ его организациі и первоначальнаго предназначенія. Въ самомъ своемъ происхожденіи природа человѣка, какъ твореніе Всеблагого Бога, болѣе того,—какъ Его «подобіе», отмѣчена чертами совершенства, стремится къ единенію съ Богомъ, имѣя и реальную способность къ этому тѣснѣйшему мистическому единенію. Если въ наличномъ состояніи человѣка указанное его предназначеніе должнымъ образомъ не осуществляется, то единственную конкретную причину въ этомъ случаѣ являются именно «*страсти*», сообщающія ложное, превратное направленіе всей его жизнедѣятельности, лишаящія его природной способности къ богообщенію. «Безъ чистоты отъ страстей (ἐκτὸς καθαρότητος τοῦ παθῶν) душа не врачуется отъ грѣховныхъ недуговъ, и не пріобрѣтаетъ славы, утраченной преступленіемъ» ²⁾. И это собственно потому, что «страсти служатъ преградой (διάφραγμα) сокровеннымъ добродѣтелямъ души» ³⁾. «Страсти это дверь, заключенная предъ лицемъ чистоты. Если не отворить кто этой заключенной двери, то не войдетъ онъ въ непорочную и чистую

¹⁾ Ср. Галат. V, 24.

²⁾ Исаакъ Сиринъ. Асц. LXXXVI. сел. 521; изд. Никифора Θεοτοки: ἐν Λεψίδ. ἐτα: φφ. ср. Преосв. Θεοφана Толков. Посл. Ефес. (V, 7), стр. 340 „когда страсти изгнаны, естество человѣческое входитъ въ предопредѣленное ему совершенство Божеское, въ Богоподобіе“.

³⁾ Онъ же. Асц. LXVIII, сел. 398.

область сердца» ¹⁾. Страсти сравниваются также съ непрозрачною средою, пренятствующею лучамъ духовнаго свѣта воздѣйствовать на внутреннее сердечное око, такъ что духовное созерцаніе осуществиться, вслѣдствіе этого препятствія, не можетъ ²⁾. Такимъ обр. не требуетъ дальнѣйшаго обоснованія то положеніе аскетическаго ученія, что «душа человѣческая не иначе отчуждается отъ Бога, какъ страстнымъ расположеніемъ» ³⁾. Равнымъ образомъ не менѣе справедливо, что «если кто хочетъ пріобрѣсти добродѣтель, то не прежде можетъ пріобрѣсти ее, какъ возненавидѣвъ діаметрально противное ей зло» ⁴⁾.

Отсюда съ несокрушимою логическою послѣдовательностью вытекаетъ подвижническое правило и аскетическое требованіе «подвизаться противъ всякой страсти, пока человѣкъ не достигнетъ цѣли благочестія» ⁵⁾. Обязательность этого требованія безусловна. «Ничего не слѣдуетъ добиваться съ большею настойчивостью, какъ освобожденія себя отъ болѣзней (души) и страстей (ή τῶν παθῶν καὶ νοσημάτων ἀπαλλαγή): это необходимо «прежде всего» (πρῶτον) ⁶⁾. Слѣдовательно, «безстрастіе (ή ἀπάθεια) служить началомъ и основаніемъ жизни добродѣтельной» ⁷⁾. Вотъ почему подавленіе, искорененіе страстей фактически составляетъ преимущественное содержаніе и ближайшую, непосредственную цѣль подвижническаго дѣланія. По словамъ св. *Іоанна Дамаскина*, «подвижническая жизнь (ή ἀσκησις) и труды ея» служить прежде всего и даже преимущественно для того, чтобы мы свергли съ себя чуждый и противный природѣ грѣхъ ⁸⁾ Представленнымъ принципіальнымъ воззрѣніемъ аскетовъ объясняется и тотъ фактъ, что какъ въ дѣйствительной ихъ жизни, такъ и въ ихъ теоретическомъ міровоззрѣніи, насколько, конечно, оно отразилось въ ихъ писаніяхъ, «страсти» оказываются по преимуществу въ фокусѣ активнаго сознательнаго, самаго

¹⁾ Онъ же. Посл. 4-ое, сѣл. 556.

²⁾ Онъ же. Асѣ. LXXIX, сѣл. 400; ср. Посл. IV, сѣл. 574. *Василій Вел.* Sermo ascet. II, c. I, col. 372 AB.

³⁾ *Григорій Нисскій*. De oratione Dominica. Or. I, T. XLIV, col. 1132 D.

⁴⁾ Слова *Аввы Іоанна*, игумена монастыря на горѣ Елеонской. Pratum Spirituale. c. CLXXXVII. Ser. Lat. T. LXXIV, col. 217 CD.

⁵⁾ Ср. *Григорій Нисскій*. De instituto christiano. T. XLVI, col. 296 B.

⁶⁾ *Климентъ Александрійскій*. Paedagog. M. S. Gr. T. VIII, L. I, c. II. col. 253 A.

⁷⁾ *Григорій Нисскій*. Or. catechetica, c. VI. T. XLV, col. 29 A.

⁸⁾ De fide orthodoxa M. S. G. T. XCIV, L. III, c. XIV, col. 1045 A.

внимательнаго и парочитаго самонаблюденія подвижниковъ. А этимъ, въ свою очередь, въ достаточной степени объясняется всесторонняя, широкая и глубокая, на основаніи живого непосредственнаго опыта, разработка психологическихъ данныхъ, входящихъ въ объемъ понятія «страсти», — богатство содержащихся въ аскетическихъ писаніяхъ психологическихъ данныхъ, такъ или иначе, прямо или косвенно, посредственно или непосредственно, относящихся къ указанной области подвижническаго трудничества, аскетическаго совершенствованія ¹⁾).

Имѣя въ виду прежде всего и преимущественно цѣль пастырски-педагогическую ²⁾), писатели-аскеты раскрывали психологическія понятія, входящія въ названную область, возможно полно и обстоятельно также и съ теоретической стороны, что являлось неизбѣжнымъ и по существу дѣла, такъ какъ, если гдѣ, то именно въ данной области, моменты теоретическій и практическій связаны нитями самыми живыми, неразрывными, крѣпкими до перасторжимости. Здѣсь успѣхъ въ области теоретическаго проникновенія въ сущность, характеръ и условія происхожденія и развитія душевныхъ явленій, извѣстныхъ подъ именемъ «страстей», фактически достигается не иначе, какъ подъ обязательнымъ условіемъ жизненно-практическаго, реальнаго религіозно-нравственнаго совершенствованія, когда человѣкъ получаетъ дѣйствительную возможность чувствовать себя въ той или иной мѣрѣ господиномъ страсти, а не послушнымъ рабомъ ея, когда, слѣдовательно, онъ отрѣшается отъ нея и начинаетъ наблюдать ее какъ бы съ нѣкотораго отдаленія, какъ фактъ въ нѣкоторомъ смыслѣ объективный.

И дѣйствительно, не трудно видѣть, что подчиненіе грѣховной страсти, такъ называемое «оболъщеніе» ею (ἀπατή), представляющее собою самый обычный, характерный видъ отношеній грѣховнаго человѣка къ страсти, еще далеко не выражаетъ всей силы дѣйствія грѣховнаго зла въ природѣ человѣка, какъ ни страннымъ это можетъ представляться на

¹⁾ Ср. проф. П. Пономаревъ. Догматическія основы христіанскаго аскетизма по твореніямъ восточныхъ писателей-аскетовъ IV вѣка, стр. 79 (Казань. 1899). Проф. А. И. Гренковъ. Первоначальное происхожденіе науки о христ. нравоуч. Прав. Собесѣд. 1875. Апрѣль, стр. 365.

²⁾ Она обозначается въ аскетической письменности терминами φουζωρία. Нилъ Синайскій. Epist. Lib. III. 33. M. S. G. T. LXXIX, col. 389 A

первый взглядъ. Яснѣе, полнѣе и опредѣленнѣе эта сила грѣховной страсти открывается самосознанію человѣка именно *при борьбѣ* человѣка со зломъ, — и чѣмъ сильнѣе противоѣдѣствуетъ ему воля человѣка, тѣмъ рельефнѣе, осязательнѣе проявляется и господствующая въ человѣкѣ сила зла. Вотъ почему всю тяжесть искушеній испытываютъ совсѣмъ не тѣ люди, которые обычно живутъ въ стихіи грѣха, а напротивъ, — именно люди, поставившіе своею цѣлью *сопротивленіе* страстямъ, подавленіе похотей, — питающие къ нимъ внутреннее отвращеніе. Конечно, слѣдуетъ признать, что въ той или другой степени борьба со страстями имѣетъ мѣсто почти у всѣхъ людей... Однако эта борьба носить обычно частичный, неполный характеръ, не позволяющій психическому феномену, извѣстному подъ именемъ «страсти», проявить всѣхъ своихъ специфическихъ, наиболѣе характерныхъ особенностей. Эта борьба обычному самосознанію человѣка представляется борьбою между различными *естественными*, природными стремленіями, которыя иногда кажутся даже равноцѣнными, имѣющими едва-ли не одинаковое право на свое удовлетвореніе... Въ такихъ случаяхъ борьба со страстями не можетъ быть полною, рѣшительною уже по тому одному, что сама воля человѣка какъ бы колеблется неустойчиво въ ту и другую сторону, раздвояется, частію склоняясь въ пользу удовлетворенія страсти, слѣдовательно, на ея сторону, частію же сопротивляясь ея обольстительному натиску. Полная борьба со страстями открывается и осуществляется въ человѣкѣ тогда, и только тогда, когда въ немъ образуется рѣшительное отвращеніе къ страстямъ, какъ такимъ явленіямъ, которыя по своему настоящему содержанію и подлинному характеру являются безусловно чуждыми *истиннымъ, подлиннымъ*, а не извращеннымъ потребностямъ и запросамъ человѣка, — какъ состояніямъ, враждебнымъ самой идеальной природѣ человѣка. до нѣкоторой степени даже какъ бы объективно данными для его самосознательной воли.

Въ этихъ данныхъ самонаблюденія подвижниковъ можно по справедливости усматривать *психологическую* основу аскетическаго ученія о томъ, что однимъ изъ главныхъ источниковъ такъ называемаго «прираженія» (ἡ προζωγή) страстей или «помысловъ» (οἱ λογισμοί) является воздѣйствіе на человѣка чуждой ему враждебной, демонской силы ¹⁾.

¹⁾ *Evagrii Ponticensis. De octo vitiosis cogitationibus. c. III, col. 1272 B.*

На высшихъ ступеняхъ религіозно-нравственнаго развитія уже простой позывъ къ совершенію злого дѣла, исходящій изъ периферій человѣческой природы, одно, такъ назыв., «приращеніе» страсти сознается и чувствуется, какъ величайшее *страданіе*. Такимъ образомъ древніе христіанскіе подвижники пережили всѣ дѣйствительныя и возможныя ступени подавленія и искорененія изъ своей природы страстей, фактически самымъ полнымъ образомъ вынесли и испытали всю силу и остроту борьбы съ ними, во всѣхъ ея перипетіяхъ, отбѣнкахъ и осложненіяхъ, при разнообразныхъ формахъ проявленія страстей, на всѣхъ ступеняхъ ихъ развитія, начиная съ «обольщенія» страстью и оканчивая «скорбью» отъ страсти. Такимъ образомъ въ жизни святыхъ подвижниковъ присутствовали налицо всѣ условія, существенно необходимыя для точнаго и правильнаго наблюденія психологической основы и формъ проявленія страстей, которыя и открывались поэтому для самосознанія подвижниковъ во всей ихъ настоящей, не замаскированной природѣ и подлинномъ, гибельномъ, значеніи для религіозно-нравственной жизни человѣка, и описывались во всѣхъ своихъ подробностяхъ живо и конкретно-рельефно, на основаніи не отвлеченнаго изученія, а непосредственнаго переживания. Съ этой точки зрѣнія открывается ни съ чѣмъ не сравнимая психологическая точность анализа страстей, а также—вместѣ съ этимъ—и особенная, исключительная богословская важность аскетической оцѣнки значенія этихъ явленій въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Указанное значеніе аскетическаго ученія о страстяхъ должны признать *volens-nolens* даже ученые, вообще—то не сочувствующіе фактическому осуществленію и теоретическому обоснованію православнаго аскетизма, относящіеся къ нему гиперкритически. Такъ, напр., по словамъ Zöckler'a, «для нашего современнаго образа мыслей и строя жизни, совершенно удаленнаго отъ религіознаго опыта, аскетическія картины страстей звучатъ тѣмъ-то чуждымъ, далекимъ, непонятнымъ; однако въ нихъ—поразительная психологическая истина. Онѣ даютъ намъ возможность бросить взглядъ въ глубокую область внутреннихъ переживаній и борьбы монаховъ и аناхоретовъ. Онѣ помогаютъ намъ понять

. VII, col. 1273 B. e. IX, col. 1276 A. Ср. *Маркъ Подвижникъ*. De baptism. M. S. Gr. T. LXV, col. 1016 A. *Нилъ Синайскій*. Epist. III, 143, col. 449. *Василій B.* Const. Monast., c. XVII, 1, col. 1380; *Historia Lausiaca*, c. XXIX, M. S. Gr. T. XXXIV, col. 1084 B.

чрезмѣрную строгость этой борьбы въ ея глубокомъ историческомъ значеніи»¹⁾. Въ дополненіе къ указанной характеристикѣ нѣмецкаго ученаго мы настаиваемъ не на одномъ только важномъ историческомъ смыслѣ анализа аскетическаго ученія о страстяхъ, но вмѣстѣ съ этимъ также и на его глубокомъ психологическомъ и важномъ богословскомъ значеніи въ дѣлѣ раскрытія существенныхъ основъ православнаго ученія объ *аскетизмѣ*, для выясненія подлиннаго смысла послѣдняго въ религіозно-нравственномъ, принципиальномъ и антропологическомъ отношеніи.

II.

Сущность грѣховнаго паденія чловѣка—въ религіозномъ обособленіи его отъ Бога.—Ближайшія послѣдствія религіозной автономіи чловѣка.—Значеніе чловѣка въ ряду другихъ твореній, обусловленное самою организаціею его составной природы.—Духъ, „разумъ“, какъ верховная специфическая сила чловѣческой личности.—Отношеніе къ этой силѣ другихъ силъ и способностей чловѣка.—Ослабленіе въ чловѣкѣ, вслѣдствіе грѣхопаденія, силы и значенія „разума“ и преобладаніе въ немъ низшихъ силъ и стремленій.—Наиболѣе характерное выраженіе разстройства и односторонняго направленія силъ чловѣка именно—въ „*страстяхъ*“.—Восточно-аскетическая схема восьми главныхъ пороковъ.—Дѣленіе этихъ страстей на „душевныя“ и „тѣлесныя“.—Центръ тяжести всѣхъ страстей лежитъ въ психической области и есть актъ волевой попреимуществу.—„Худое дѣланіе“ „разума“, какъ этико-психологическая основа страсти.—„Помысль“, какъ основной, исходный, характерный моментъ страсти.

Грѣхопаденіе прародителей, имѣвшее принципиальное значеніе для всего послѣдующаго чловѣчества, опредѣлившее всю его послѣдующую жизнь въ ея основномъ направленіи и существенномъ содержаніи, по своему существу было сознательно—свободной попыткой тварной природы утвердиться въ своей собственной автономіи. Чловѣкъ согрѣшилъ собственно тѣмъ, что переставилъ центръ своей жизни и дѣятельности съ Бога *на самого себя*²⁾. Онъ сознательно и свободно,—правда, подъ вліяніемъ сторонняго искушающаго внушенія,—рѣшился, вмѣсто воли Божіей, поставить *свою* волю началомъ жизне-

¹⁾ Askese und Mönchtum. Zweite gänzlich neu bearbeitete und stark vermehrte Auflage der „Kritischen Geschichte der Askese“ von D. Otto Zöckler. Erster Band. Frankfurt a M. 1897. S. 256.

²⁾ Ср. *Превосв. Теофана*. Начерт. христ. правоученія, стр. 392; Путь ко спасенію, стр. 74—75, 89.

дѣятельности¹⁾, достигнуть полной независимости отъ Бога, жить и удовлетворять безконечнымъ запросамъ своего существа (прежде всего *познанія*²⁾) помимо Бога, однимъ словомъ, — захотѣлъ быть самодовлѣющимъ существомъ.

Въ этомъ же заключается сущность и вообще грѣхознаго состоянія всякаго человѣка³⁾.

Грѣхъ первыхъ людей, съ отрицательной стороны будучи отверженіемъ и попраніемъ воли Божіей о нихъ, съ положительной стороны представлялъ собою *эгоизмъ*⁴⁾. Они стремились поставить себя въ центральное положеніе по отношенію ко всему существующему, такъ чтобы послѣднее было только *средствомъ* удовлетворенія ихъ потребностей. Слѣдовательно, грѣхъ по своему начальному моменту, исходному пункту и основному, центральному и существенному содержанію, оказывается *прежде всего* и преимущественно явленіемъ порядка *религіознаго*, выражая собою наличное отношеніе жизни тварной, человѣческой, безусловной только по характеру своихъ стремленій, но не по существу, не по наличному состоянію, — отношеніе этой именно жизни къ бытію подлинно и реально безусловному, самосущему. Сознавши себя въ качествѣ бытія тварнаго, ограниченнаго, несамобытнаго, въ своей противоположности Богу, — человѣкъ долженъ былъ совершить подвигъ свободнаго *самоотреченія*, отвергну существовавшую въ его свободѣ возможность стремиться къ обособленію въ самостоятельное, независимое отъ Бога бытіе. Однако человѣкъ не отвергъ, а именно осуществилъ реально эту формальную возможность стремиться къ утвержденію въ себѣ самомъ самодовлѣющаго бытія, — онъ пожелалъ осуществить свое безусловное достоинство именно въ своей тварной, ограниченной, эмпирической наличности⁵⁾. Указанное отношеніе къ Богу со стороны человѣка и должно

¹⁾ Ср. Aporphthegm. Patrum. T. LXV, col. 334 D—336 A, § 54: Ср. Verba Seniorum M. S. L. T. LXXIII, col. 922 C. X, 60.

²⁾ Быт. III, 5 ср. 6.

³⁾ Ср. *Е. Теофана*. Путь ко спасенію, стр. 74—75.

⁴⁾ Замѣчаніе о неудобствѣ замѣнить этотъ именно терминъ другимъ, какимъ-либо русскимъ словомъ, съ нимъ синонимическимъ, см. у В. С. Соловьева „Оправданіе добра“ 2-е изд. Москва. 1899, стр. 110 (примѣч). Этотъ терминъ пѣрѣдко употребляется и *преосв. Теофаномъ*. См., напр., Начерт. христ. нравоуч., стр. 54, 269, 280; Толков. посл. Ефес. (III, 17), стр. 214 и др.

⁵⁾ *Куртизъ* весьма удачно характеризуетъ грѣхъ съ его внутренней стороны, какъ „стремленіе человѣка сдѣлаться богомъ безъ Бога“ (ohne

быть признано исходнымъ содержаніемъ и основной причиною грѣха. Такимъ образомъ паденіе человѣка состояло именно въ себялюбивомъ обособленіи отъ Бога ¹⁾, а слѣдствіемъ его явилась и моральная извращенность человѣческой жизнедѣятельности. Слѣдовательно, моральный моментъ явился по отношенію къ религіозному паденію состояніемъ уже послѣдующимъ, производнымъ, зависимымъ. Только послѣ того, какъ совершился грѣхъ религіозной автономіи, народилась и проявилась въ человѣкѣ и похоть ²⁾.

«Когда человѣкъ палъ, то подвергся всестороннему разстройству и самъ въ себѣ, и въ своихъ отношеніяхъ» ³⁾—слѣдствіемъ рѣшенія человѣка жить по себѣ и для себя явилось полное извращеніе его *взглядовъ* на все существующее и *практическое отношеніе* къ нему. И прежде всего ослабѣла и померкла въ немъ любовь къ Богу, предполагающая именно сознаніе собственной недостаточности и стремленіе къ восполненію ея, къ дѣйствительному осуществленію своего безусловнаго достоинства не иначе, какъ въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ Верховнымъ Источникомъ жизни, центромъ бытія. Богъ представился ему теперь не любящимъ Отцомъ, какъ это было до грѣха, но существомъ, завистливо оберегающимъ свои преимущества отъ его законныхъ притязаній, судьбою и грознымъ мстителемъ

Gott sein zu wollen wie Gott). Geschichte des Alten Bundes von Joh. Heinr. Kutz. I Band. Berlin. 1848, s. 38.

¹⁾ Ср. Д. И. Введенскій. Ученіе Ветхаго Завѣта о грѣхѣ, стр. 34.

²⁾ Ученіе о религіозной автономіи, какъ исходномъ пунктѣ и основѣ грѣха, согласно раскрывается какъ восточными, такъ и западными свв. отцами церкви. По словамъ, напр., препод. Макарія Е., „въ грѣхопадении человѣкъ умеръ для Бога, живетъ же собственнымъ своимъ естествомъ“ (τῇ ἰδίᾳ φύσει) Rom. XII, с. 2. Т. XXXIV col. 557 В. По ученію Бл. Августина, въ основѣ паденія первыхъ людей лежала „злая воля“ (mala voluntas), поставившая „началомъ“ своей дѣятельности „стремленіе къ превратному возвышенію“ А это послѣднее состоитъ въ томъ, что „душа, оставивъ начало, къ которому должна прильпиться, въ некоторомъ образомъ дѣлается и бываетъ такимъ началомъ сама для себя“ это уклоненіе отъ Бога—добровольное. De civitate Dei, lib. XIV, с. XIII, п. I, M. S. L. T. XLI col. 420; ср. ibid., col. 421. Между тѣмъ „человѣкъ живетъ по истинѣ“ (secundum veritatem) только тогда, когда „онъ живетъ не самъ по себѣ, а по Богу“ (secundum Deum). Онъ и правымъ сотворенъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы жилъ не по себѣ самому, а по Тому, Кѣмъ сотворенъ, т. е. исполнять божіе Его волю, чѣмъ свою собственную. ibid., с. IV; п. I, col. 407.

³⁾ Е. Теофанъ. Начерт. христ. нравоуч., стр. 49.

за возстаніе противъ Него и нарушеніе Его повелѣній¹⁾. Отсюда всѣ стремленія человѣка послѣ грѣхопаденія направились къ тому, чтобы оправдать свой поступокъ предъ Богомъ, сложить вину свою съ себя и тѣмъ избѣжать Его кары, наказанія. Отношенія согрѣшившаго человѣка къ Богу получили характеръ эгоистическаго страха, боязни подвергнуться наказанію отъ Него въ видѣ какого-либо лишенія и страданія. Общеніе съ Богомъ стало для него теперь не радостнымъ удовлетвореніемъ его внутреннихъ потребностей, откликомъ на глубочайшіе, насущные запросы его духа, а внѣшнимъ долгомъ, страшнымъ и мучительнымъ обязательствомъ въ силу признанія Его внѣшняго могущества и владычества²⁾. Тотъ же эгоизмъ сказался въ человѣкѣ и по отношенію къ единственному въ то время ближнему—женѣ; на послѣднюю онъ посмотрѣлъ, какъ на *средство* отвратить отъ себя заслуженное наказаніе, что онъ и пытался сдѣлать³⁾, слагая съ себя вину на нее и этимъ подвергая ее всей тяжести отвѣтственности за свой грѣхъ⁴⁾.

Эгоистическими, себялюбивыми сдѣлались отношенія человѣка и къ внѣшней природѣ: онъ посмотрѣлъ на нее и фактически сталъ употреблять ея предметы въ качествѣ средства для своего *чувственнаго наслажденія*, удовольствія⁵⁾, помимо потребности и нужды⁶⁾; онъ сталъ распоряжаться ею самовластно, по своимъ горделивымъ расчетамъ и чувственнымъ влеченіямъ, вопреки намѣреніямъ Божиимъ⁷⁾. Такимъ образомъ.

¹⁾ Ср. Быт. III, 8—13.

²⁾ Ср. *Е. Теофанъ*. Начерт. христ. правоуч., стр. 315.

³⁾ Быт. III, 12.

⁴⁾ Въ томъ и состоитъ сущность эгоизма, „самости“, что онъ „себя ставитъ цѣлю, а другихъ всѣхъ считаетъ средствомъ; такъ и обращается съ ними“. *Е. Теофанъ*. Толков. Посл. Филипп. (II, 4), стр. 69.

⁵⁾ Ср. Быт. III, 16.

⁶⁾ Ibid. II, 16—17.

⁷⁾ Такимъ образомъ, поставленіе своей личности въ ненормальное отношеніе къ природѣ, внѣшнему міру, несомнѣнно входило въ содержаніе процесса грѣхопаденія человѣка, какъ его составной и сопровождающей моментъ,—однако, какъ видно изъ предыдущаго, оно было моментомъ лишь *производнымъ, второстепеннымъ*, а не главнымъ, основнымъ. Поэтому мы не видимъ ни малѣйшаго основанія согласиться въ данномъ случаѣ съ мнѣніемъ почтеннѣйшаго проф. *В. Н. Несмѣлова*, который приписываетъ категорически, согласно со своими основными воззрѣніями, названному моменту именно *первенствующее* значеніе въ актѣ грѣхопаденія первыхъ людей. По его словамъ, „вмѣсто того, чтобы быть свободными исполнителями всеобщей цѣли міроваго бытія, они (т. е. первые люди), напротивъ, сами обратились къ помощи міра, чтобы

вмѣсто нравственнаго отношенія къ природѣ въ цѣлесообразномъ созданіи наиболѣе приспособленныхъ условій для наиболѣе плодотворнаго проявленія ея творческихъ силъ, человѣкъ осуществилъ свое господство надъ природой, въ видѣ исключительно животно-эгоистическаго и утилитарно-практическаго отношенія къ ней, и тѣмъ внесъ въ ея жизнь начало не гармоніи и творчества, а разлада, диссонанса и разрушенія.

И въ самой природѣ человѣка, вслѣдствіе принятаго имъ эгоистическаго, отчужденнаго отъ Бога направленія жизни, произошло коренное разстройство его потребностей, силъ и способностей. проявившееся какъ въ ослабленіи ихъ всѣхъ, въ потерѣ значительной степени ихъ остроты и совершенства, такъ—равнымъ образомъ—въ нарушеніи ихъ *гармоническаго взаимоотношенія*.

Эти потребности, силы и способности природы человѣка многочисленны, разнообразны и по своему сравнительному достоинству и относительному совершенству далеко не одинаковы.

Міръ представляетъ собою систему стройнаго восхожденія явленій, силъ, предметовъ и существъ по лѣстницѣ строгой постепенности совершенствованія и сложности, что и дѣлаетъ его какъ бы единымъ органическимъ цѣлымъ, поистинѣ «космосомъ» ¹⁾.

они своими механическими силами осуществилъ бы за нихъ ихъ предвѣчное назначеніе. Этимъ неразумнымъ поступкомъ они увидели себя до положенія простыхъ вещей міра и обезсмыслили все міровое существованіе... Люди подчинили законъ свободы закону механической причинности и поставили свое духовное совершенство въ причинную зависимость отъ употребленія какихъ-то плодовъ". (Метафизика жизни и христіанское откровеніе. Правосл. Собесѣдн., 1902, февраль, стр. 283). Въ этомъ мнѣніи достоуважаемаго и глубокомысленнаго отечественнаго мыслителя непонятно уже то, **какимъ именно образомъ** поступокъ только „неразумный“, суевѣрный могъ сопровождаться такими роковыми послѣдствіями для человѣка,—измѣнившими кореннымъ, принципиальнымъ образомъ *всю* его жизнь. Съ другой стороны, суевѣріе, стремленіе найти опору для своего существованія во внѣшней природѣ,—какъ свою причину, непремѣнное предваряющее условіе, предполагаетъ обязательно ослабленіе положительной вѣры въ Бога, потерю живого чувства единенія, взаимообщенія съ Нимъ въ союзъ любви, ослабленіе стремленія со стороны человѣка къ этому единенію съ Богомъ. Такимъ обр., анализъ приведеннаго воззрѣнія *проф. Несмѣлова* только подтверждаетъ правильность нашего пониманія сущности богооткровеннаго ученія по данному вопросу.

¹⁾ По словамъ св. *Григорія Нисскаго*, „Природа естественнымъ образомъ, какъ бы по степенямъ (κατά τάς τάξεις βιολογικὰς), въ отношеніи отличіи-

Творенія въ мірѣ Божіемъ такъ расположены, что всякій высшій классъ совмѣщаетъ въ себѣ силы низшихъ классовъ. — и кромѣ того владѣетъ силами и способностями, ему специфически присвоенными, составляющими его видовыя характеристическія черты, въ которыхъ и заключается собственно своеобразная особенность даннаго вида бытія по сравненію съ другими, а также и его особенное значеніе и исключительная цѣнность въ ряду другихъ.

Такъ, въ неорганической природѣ дѣйствуетъ самая низшая сила, которая рельефно выражается въ явленіяхъ кристаллизаціи и химическихъ сочетаній. Въ протоплазмѣ, лежащей въ основѣ явленій жизни организованной, связь элементовъ оказывается уже не физическою и не химическою, по совершенно иного, особеннаго рода. Въ жизни организованной самыя сложныя химическія молекулы сочетаются уже по *новому типу*, полагая основаніе для цѣлаго ряда новыхъ явленій, управляемыхъ особыми законами, подчиняющими себѣ и преобразующими физико-химическіе законы. Законы организованной жизни, управляющіе т. н. *біологическими* явленіями, содержатъ въ себѣ т. обр. нѣкоторый собственный, специфическій элементъ, привходящій «къ общимъ физическимъ законамъ». Дѣйствительныя органическія явленія получаютъ біологическое значеніе только потому, что входящій въ образованіе ихъ физическій и химическій матеріалъ подчиняется особенному порядку или плану бытія органическаго, входя въ составъ новаго, болѣе сложнаго и совершеннаго явленія, которое мы называемъ *жизнью* ¹⁾. Въ частности сила *растительная*, управляя силами кристаллизаціи и химическихъ сочетаній, особеннымъ, специфическимъ образомъ комбинируетъ ихъ, и приводитъ къ высшей, болѣе совершенной, по сравненію съ предыдущей, формѣ бытія. За растительной силой, по степени дальнѣйшаго совершенствованія, слѣдуетъ сила животная, которая управляетъ и пользуется всѣми вышеупомянутыми силами, совмѣщая и специфически комбинируя ихъ въ новый, высшій, сравнительно съ предыдущими, родъ бытія. Наконецъ, въ человѣкѣ всѣ силы, свойственныя низшимъ формамъ организованной жизни, органически совмѣщаясь, подчиняются силѣ специфически чело-

тельныхъ свойствъ жизни. дѣлаетъ восхожденіе отъ менѣе къ болѣе совершенному». De hominis opificio. c. VIII. T. XLIV, col. 148 BC.

¹⁾ Ср. В. С. Соловьевъ. Собраніе сочиненій, т. II, стр. 239.

вѣческой—духу ¹⁾ (которая у свв. отцовъ Церкви обычно обозначается терминомъ «разумъ» (νοῦς, mens) ²⁾, ею регулируются, такъ что получается высшій родъ бытія на землѣ, совмѣщающій въ себѣ всѣ силы организованной природы, подъ главенствомъ силы специфически человѣческой—духа, и потому справедливо называемый «микрокосмосомъ» ³⁾. Т. обр. человѣкъ заключилъ собою постепенную лѣстницу Божія творенія на землѣ не какъ послѣдній въ ряду другихъ тварей, а какъ ко-

¹⁾ Говоря о различныхъ „основаніяхъ“, побуждающихъ „допускать въ составъ существа человѣческаго“ именно „три части: духъ, душу и тѣло“ (Начерт. христ. нравоуч., стр. 188), лично придерживаясь трихотомическаго взгляда на составъ природы человѣка, преосв. Теофанъ оговаривается, что „это предметъ спорный, хотя (споръ) весь только о словахъ. Тѣмъ, кои не хотятъ различать духа и души, можно предложить, чтобъ подъ словомъ—*духъ* они повимали высшую сторону нашей нетѣлесной стороны, а словомъ—*душа* означали низшія ея дѣйствія и направленія“ (Ibid, примѣч.). Преосв. Теофанъ останавливается на этомъ вопросѣ специально въ своемъ трудѣ: „Толкованія посланій св. Ап. Павла къ Филиппійцамъ и Солунянамъ“, стр. 383—386. Ср. Толков. Галат. (V, 16), стр. 361. Ср. *Василія В.* Constitutiones monasticae, II. Т. XXXI, col. 1340D—1341A: „думаю, что душевная сила *двоѣю*, διττὴν εἶναι τῆς ψυχῆς ἔγωγε οἶμαι τῇ δυνάμει хотя душа одна и та же; именно одна—собственно жизненная сила тѣла, а другая—сила, созерцающая существующее, которую называемъ также разумною“. Ср. *Номил.* XXI, с. 5. Т. XXXI, col. 549A: вотъ что (представляетъ собою) человѣкъ—умъ (νοῦς), тѣсно соединенный съ приспособленною къ нему и приличествующею ему плотію“. Ср. также *Его же*: *Nomilia in illud: Attende tibi ipsi*, с. VII, col. 213C. Изъ западныхъ отцовъ см. *Бл. Августина.* De civitate Dei. Lib XI, с. II. Т. XLI, col. 318: частію, которою человѣкъ наиболѣе приближается къ Богу, будетъ, конечно, та часть его, коею онъ возвышается надъ своими низшими частями, общими у него даже съ животными“. „А это называется умомъ, или разумомъ, или пониманіемъ или другимъ какимъ-либо болѣе подходящимъ именемъ. (Id. autem est ipsa ratio, vel mens, vel intelligentia...) In Genesi ad litteram. Lib. III, с. XX, п. 30. Т. XXXIV, col. 292; Ср. *Contra Academicos*, L. 1, с. 2, п. 5. Т. XXXII, col. 908—909.

²⁾ „Умъ—νοῦς—владычественная сила, тоже, что духъ“ *Е. Теофанъ* Толков. перв. восьми гл. Посл. Римл. (I, 28), стр. 118; ср. Толков. Посл. Ефес. (IV, 17), стр. 283; *ibid*, стр. 285, 289, 299 и др. Высшая сторона человѣка называется также и „сердцемъ“ см., напр., толков. перв.—восьми гл. посл. Римл. (I, 29), стр. 97.

³⁾ Ср. *Григорія Нисскаго* In Psalmos Tr. I, с. III. Т. XLIV, col. 441 C: человѣкъ—малый міръ (μικρὸς κόσμος ὁ ἄνθρωπος). *Нила Синайскаго* Epist. Lib. II, п. 119, col. 252BC и др.; *преосв. Теофана.* Толков. Посл. Ефес. (I, 21), стр. 107: „человѣкъ—малый міръ. Онъ сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ тварныя силы“. Ср. *Его же* Толков. I Солун. (V, 23), стр. 383; Толков. Посл. Галат. (V, 16), стр. 361.

печная *цѣль* всего предшествовавшаго ему творенія; именно въ немъ былъ заключенъ *смыслъ* всего творенія міра. Слѣдоват., отношеніе человѣка ко всему міру *внутренне-органическое* ¹⁾. Онъ дѣйствительно возглавляетъ собою все земное твореніе, выражая собою, правильнымъ направленіемъ своей жизнедѣятельности, его подлинный высшій смыслъ.

Но отличительная, специфическая черта человѣка, опредѣляющая его особенное значеніе въ системѣ сотвореннаго бытія, заключается собственно *въ духъ*. Есть душа и у животныхъ, но именно животная ²⁾, несоизмѣримо пишшая по сравненію съ человѣческой. Всѣ роды существъ, находящихся на землѣ, извела, по творческому мановенію Божію, *земля* ³⁾. Изъ *земли же*, т. е. изъ имманентныхъ веществу силъ, произошла и всякая душа живыхъ тварей ⁴⁾. Душа человѣческая *сама по себѣ* такая же сила, какъ и душа животныхъ, но она получила и нѣкоторыя важныя отличія, вслѣдствіе органическаго соединенія, сочетанія ея съ духомъ. Вотъ почему добросовѣстное внутреннее самонаблюденіе открываетъ человѣку въ его собственномъ внутреннемъ мірѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, что замѣчается и у животныхъ,—также и такія стороны, которыя свойственны только душѣ человѣка, *соединенной съ духомъ*, и, наконецъ, — такія свойства, которыя специфически принадлежать собственно богоподобному духу, *разуму*. Сама по себѣ душа обращена исключительно на благоустройство земного быта, временнаго благосостоянія. Ея познанія строятся исключительно на основаніи эмпирическаго наблюденія, дѣятельность устремлена на удовлетвореніе потребностей временной жизни, преимущественно физической нужды, равно и чувствованія возникаютъ и поддерживаются только изъ непосредственныхъ, эмпирическихъ поло-

¹⁾ Ср. *Превосв. Теофана* „Толков. Посл. Ефес. (I, 10), стр. 68: „человѣкъ, по идѣе своей, долженъ быть средоточіемъ міровъ,—всей области тварнаго бытія,—и ангеловъ и міра вещественнаго“.

²⁾ Ср. *Іоанна Златоуста* In illud, vidi Dominum..., Homil. IV, c. I. T. I. VI, col. 120—121; ср. in illud: Domine non est in homine, c. IV. Ibid., col 159.

³⁾ Быт. I, 20. 24. 25.

⁴⁾ Ср. проф. В. С. *Серебряниковъ*. Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности (Спб. 1892), стр. 270: „души животныхъ образуются Божественнымъ словомъ изъ началъ, которыя были приготовлены прежде творческою дѣятельностію Божіею и которыя, не смотря на свое отличіе отъ матеріи, находились въ матеріи“.

женій, имѣющихъ отношеніе преимущественно къ органическимъ потребностямъ и инстинкту самосохраненія ¹⁾ ²⁾).

Но «духъ», вслѣдствіе своей тѣснѣйшей связи съ душою, сообщаетъ ей, сверхъ указанныхъ, еще несравненно высшія стремленія, потребности и способности и такимъ образомъ возводитъ ее на ступень высшую, по сравненію съ животною душою.

Въ *познавательной* дѣятельности является, благодаря порицающему вліянію духа, стремленіе къ идеальному характеру міропониманія, къ построенію законченнаго міросозерцанія, въ которомъ бы опредѣлялось и устанавливалось значеніе каждаго круга предметовъ и явленій въ общей системѣ мірового бытія, къ разрѣшенію «вѣчно тревожнаго и страшнаго», по назойливому, неотложному вопросу, — «въ чемъ состоитъ существо человѣка, какъ онъ приходитъ, куда идетъ, что тамъ вверху, надъ звѣздами, живетъ». Этимъ вѣковѣчнымъ запросамъ человѣка стремится удовлетворить метафизика и вообще философія, которая составляетъ необходимое завершающее звено въ системѣ человѣческаго познанія ³⁾.

Въ области *практически-волевой* является потребность нормативнаго, нравственнаго, *разумнаго* ⁴⁾ поведенія, — стрем-

¹⁾ Ср. *Е. Теофанъ*. Толкованіе первыхъ восьми гл. Посл. Римл. (VII, 14), стр. 421.

²⁾ Достоверность утвержденія относительно *земного* характера душевной дѣятельности самой по себѣ покоится на наблюденіи (правда, рѣдкихъ) случаевъ состоянія человѣка на степени крайней умственной и моральной неразвитости или религіозно-нравственнаго огрубѣнія, съ богословской же стороны подтверждается словами Апостола Іакова, въ которыхъ мудрость, противоположная высшей, называется *вѣсть* и *земною* (по предметамъ, на которые обращена) и *душевною* (по силамъ и способностямъ, которыя употребляются для ея достиженія). Іак. III, 15.

³⁾ Вотъ почему можно питать твердую увѣренность въ томъ, что метафизика, въ смыслѣ стремленія человѣческаго разума и факта человѣческаго познанія, всегда была и будетъ въ человѣческой исторіи, поскольку человѣкъ по самой природѣ своей, какъ выражается *Шопенгауэръ*, есть animal metaphisicum (Die Welt, als Wille und Vorstellung. Leipzig, 1873, B. II, S. 176).

⁴⁾ Ср. проф. *Городенскаго* „Нравственное сознание человечества“, Сергіева Лавра, 1903, стр. 204: „сознавать извѣстное поведеніе какъ разумное, и какъ нравственно—обязательное—это одно и то же“. Ср. также стр. 190: „моральное сознание представляетъ собою по своей сущности практическую сторону разумнаго самосознанія... Подобно тому, какъ въ области теоретической разумъ создаетъ міръ объективнаго знанія, такъ

леніе къ достиженію *высшаго блага*, къ согласованію своей жизни съ идеей *добра*.

Въ сферѣ *эмоціальной*, сердечной способности вліяніе духа на душу обнаруживается стремленіемъ къ изящному по идѣ *красоты*. Отсюда, на ряду съ чувствованіями, отмѣчающими благопріятныя или неблагопріятныя измѣненія въ душевно-тѣлесной жизни, человѣкъ наблюдаетъ въ своей душѣ рядъ эмоцій особаго рода, по своему характеру, такъ сказать, *безкорыстныхъ*, выражающихъ возвышенное ¹⁾ наслажденіе проявленіемъ гармоническаго сочетанія идей истиннаго и добраго съ чувственной формой ²⁾

Наконецъ, собственно «духъ» человѣка, съ *формальной* стороны обнаруживаясь въ видѣ самосознанія и самообладанія, служа въ этомъ смыслѣ принципомъ лично-духовной индивидуальности ³⁾, проявляетъ себя наиболѣе характерно въ стремленіи къ *безкончному*, въ неудовлетворенности ничѣмъ тварнымъ и ограниченнымъ, въ религіозной потребности богообщенія и богоугожденія. Въ этомъ—его существенное и наиболѣе характерное опредѣленіе, дѣйствительная специфическая особенность ⁴⁾.

онъ же въ области практической является высшимъ факторомъ въ созиданіи міра моральнаго, среди котораго живетъ человѣческая личность“.

¹⁾ Т. е. сопровождающихся общимъ специфическимъ чувствомъ ихъ внутренняго превосходства по *существу* предъ другими сродными явлениями душевной жизни.

²⁾ „Неоднократно было доказываемо, что чувства эстетическія, интеллектуальныя и моральныя тождественны въ своемъ послѣдствіи основаніи, и различаются лишь постольку, поскольку лежащій въ ихъ основѣ общій принципъ долженъ принимать различныя формы по различію объектовъ, понимаемыхъ подъ именемъ добра, истины и красоты“ (Проф. *Городенскій*, цит. соч., стр. 114). Роднить же эти идеи лежащая въ ихъ общей основѣ идея *бѣжонечнаго совершенства*, которая, „сказывается“ въ человѣческомъ „сознаніи въ трехъ главныхъ положеніяхъ или формулахъ, сообразно троякому опредѣленію или тремъ сторонамъ эмпирическаго существованія человѣка“ и т. д. Именно „здѣсь предъ нами мѣсторожденіе идей и идеальныхъ началъ, опредѣляющихъ жизнь человѣка, какъ именно человѣка“ (Проф. *А. И. Введенскій*. Религіозное сознаніе язычества, стр. 100 примѣч.). „Анализъ показываетъ, что эти идеи, и въ своихъ спеціальныхъ психологическихъ основахъ и въ своей общей сущности, въ своемъ существенномъ тріединствѣ. *религіозной природы*“ (ibid., стр. 36).

³⁾ Ср. *Е. Теофанъ*. Начертаніе христіанскаго правоученія. стр. 239.

⁴⁾ Ср. *Е. Теофанъ*. Толкованіе первыхъ восьми гл. Посл. Римл. (VIII, 2), стр. 451: „стихи́и духа суть страхъ Божій, совѣсть и жажда

Въ невинной природѣ человѣка, вышедшей изъ рукъ Творца, всѣ потребности, стремленія человѣка, выражающія природу и особенности его составныхъ силъ, были гармонически согласованы между собою, — низшія служили интересамъ высшихъ, ими регулировались, а надъ всѣми возвышался и господствовалъ духъ. Будучи сконцентрированы въ единствѣ личности и исходя изъ него, какъ изъ фокуса, силы и способности человѣка, его составные элементы, въ стройномъ соподчиненномъ взаимоотношеніи, выполняли свойственное каждому назначеніе: духъ—общеніе съ Богомъ и вообще съ міромъ духовнымъ, тѣло служило гибкимъ, послушнымъ орудіемъ воздѣйствія человѣческаго духа на внѣшній міръ, который онъ долженъ былъ переработать по своимъ идеямъ, усовершенствовать и въ этомъ смыслѣ *одухотворить*, — душа была предназначена служить посредницей въ этомъ сношеніи и взаимоотношеніи тѣла и міра чувственного съ духовнымъ, и сама возвышалась вслѣдствіе воздѣйствія на нее духа и его стремленій ¹⁾. Но, когда направленіе жизнедѣятельности человѣка получило *эгоистическое* направленіе, вслѣдствіе котораго порвался живой союзъ любви съ Богомъ, составлявшій основаніе крѣпости духа и его господства надъ всѣми остальными органическими силами, такая гармонія силъ природы человѣка нарушилась, замѣнилась разстройствомъ и дисгармоніей ²⁾. Человѣкъ поставилъ центръ своей жизни въ себѣ, а не въ Богѣ: удовлетвореніе *своихъ* потребностей сдѣлалъ единственнымъ цѣлью своей дѣятельности, онъ какъ бы замкнулся и со-

Бога, обнаруживающаяся недовольствомъ ничѣмъ тварнымъ“. Ср. также *ibid.* (VII, 14), стр. 421: „духъ всѣ—тѣ проявленія внутренней нашей жизни, которыя устремляютъ человѣка отъ земного къ небесному, отъ временнаго къ вѣчному, отъ тварнаго къ божественному. Онъ есть та сила, которую вдунулъ Богъ въ лицо человѣка при сотвореніи его, и въ которой собственно лежитъ образъ и подобіе Божіе. Какъ такая, она устремляетъ человѣка къ Богу и довольна бываетъ только тогда, когда человѣкъ въ Богѣ живетъ и въ живомъ съ Нимъ состоитъ союзѣ“. Ср. *ibid.* (VII, 22), стр. 437—438. Тотков. I Солун. (V, 23), стр. 383. Толков. Галат. (V, 16), стр. 361 и др.

¹⁾ Ср. Григорій Нисскій. *De hominis officio*, С. II. Т. XLV, col. 133 В. Превосв. Теофіана. Начерт. Христ. правозуч., стр. 210.

²⁾ „Deum cum in principio hominem fecisset eum sensibus integris et naturae congruentibus in paradiso collocasse. Verum postea quam audivit illum a quo deceptus fuit omnes ejus sensus in habitum naturae contrarium conversi sunt. Авва Исаія. *Oratio II*. I. Т. XI, col. 1107 С.

средоточился въ себѣ самомъ. Отсюда—естественно—всѣ его потребности, постулирующія къ одному личному самосознанію, сознаваемые и чувствуемые сами по себѣ одинаково, какъ потребности личности,—стали разсматриваться, какъ *цѣль жизни* сама по себѣ, заявили притязаніе на удовлетвореніе себя именно въ качествѣ самостоятельныхъ, самодовлѣющихъ, самоцѣнныхъ жизненныхъ принциповъ. Отсюда, вмѣстѣ съ ослабленіемъ тяготѣнія духа къ Богу, помраченіемъ въ немъ собственныхъ ему идеальныхъ стремленій и запросовъ, ослабленіемъ въ немъ жизнеспособности и энергіи, духъ уже не могъ быть властителемъ и регуляторомъ души, а чрезъ нее и тѣла. Но самъ былъ увлеченъ ими въ качествѣ служебной, орудной силы. Такъ какъ низшія душевныя и тѣлесныя потребности заявляютъ себя настойчивѣе, чувствуются интенсивнѣе и осязательнѣе, то и вся забота человѣка обращается послѣ грѣхопаденія *преимущественно* на устройство своего внѣшняго быта, вещественно—матеріальной обстановки ¹⁾.

Человѣкъ всѣмъ своимъ существомъ погрязъ въ чувственности. Въ немъ получила преобладаніе душевность и тѣлесность, и сталъ человѣкъ душевенъ ²⁾ и плотянь ³⁾. Такимъ

¹⁾ По словамъ *Св. Григорія Нисскаго*, „теперь все почти человѣческое естество бдительно для одного вещественнаго (*πρός μένον τὸ ὕλικόν*), къ этому направлено все его стараніе, усердіе, это составляетъ предметъ и памятованія и надежды“. *De oratione Dominica*. Or. I. T. XLIV, col. 1725C. Нѣкоторымъ преувеличеніемъ страдаютъ въ сущности вѣрныя слова проф. *В. Н. Несмѣлова* „Наука о человѣкѣ“. Т. I, стр. 254: „отношенія человѣка къ внѣшнему міру въ сферѣ наличной жизни всецѣло опредѣляются физической природой человѣка: и чувство живетъ только переживаніемъ органическихъ состояній, и мысль работаетъ только надъ культурнымъ преобразованіемъ внѣшняго міра въ интересахъ физическаго довольства жизни, и всѣ безъ исключенія желанія человѣка направляются только къ охраненію и развитію этого довольства, словомъ—вся душевная жизнь человѣка находится въ полномъ подчиненіи его физическому организму, а потому и вся практика человѣческой жизни необходимо носитъ физическій характеръ и выражается физическимъ содержаніемъ“.

²⁾ 1 Кор. II, 14.

³⁾ Быт. VI, 3.—Уже тотчасъ послѣ грѣхопаденія сказалось въ людяхъ это разстройство стремленій и потребностей ихъ природы, обнаружилась получившая въ ней преобладаніе чувственность. Ихъ „нагота“ стала служить для нихъ, поводомъ къ смущенію, стыду (Быт. III, 7), что указываетъ на ослабленіе въ нихъ разума и силы воли, управляющихъ половыми инстинктами и сдерживающихъ ихъ. Ср. *Бл. Августинъ*. *De civitate Dei*. L. XIV, C. XVII, col. 423.

образомъ именно грѣховое паденіе перваго человѣка произвело въ немъ противорѣчіе духа и тѣла,—то роковое, мучительно—тягостное и этически гибельное противорѣчіе, котораго не было и быть не могло въ нормальномъ, здоровомъ человѣкѣ.—какимъ онъ былъ сотворенъ ¹⁾

Но мѣръ того, какъ духъ, порвавши живой союзъ любви съ Богомъ, отдалялся отъ Него, по мѣръ того и чувственность, освобождаясь отъ/ подчиненія духу, отъ контроля и управленія разума, все болѣе и болѣе вступала въ антагонизмъ съ духовной сущностью человѣка, рѣшительнѣе и рѣшительнѣе возставала на нее. Такимъ образомъ, въ какой мѣръ умъ, отдалившись отъ Бога, и вслѣдствіе этого потерявъ свою точку опоры, ослабѣвалъ въ своихъ силахъ,—въ такой мѣръ усиливалась чувственность на счетъ слабѣющаго духа. Вся гармонія духовной жизни въ человѣкѣ разстроилась, такъ какъ она держалась только единеніемъ духа съ Богомъ, въ которомъ и заключалась истинная нормальная атмосфера духа, источникъ и залогъ его крѣпости, мощи и господства надъ чувственностью.

Низшія душевныя и фізіологическія потребности человѣка, получивъ въ немъ преобладаніе, вслѣдствіе ослабленія духа, не сдерживаемыя, не управляемыя и не объединяемыя какимъ-либо принципомъ и силою, разбрелись въ разныя стороны, увеличились въ своей численности ²⁾ и усилились въ своей

¹⁾ Ср. *Бл. Августинъ. De civitate Dei. L. XIV, c. III, col. 406*: „думающіе, что всякое зло души происходитъ отъ тѣла, заблуждаются. Ибо поврежденіе тѣла, которое отягощаетъ душу, было не причиною перваго грѣха, а наказаніемъ. Не плоть тлѣнная сдѣлала душу грѣшницею, а грѣшница душа сдѣлала плоть тлѣнною“. Ср. *Е. Теофанъ. Толков. первыхъ восьми гл. Посл. Римл. (VII, 18), стр. 433*: „душа и плоть, какъ твари Божіи, добры; но вслѣдствіе паденія стали сѣдалищемъ всего недобраго“. Ср. *ibid. (I, 24), стр. 106*.

²⁾ Каждая простая и естественная потребность можетъ развѣтвляться на множество, такъ сказать, привитыхъ, производныхъ потребностей чрезъ привычку и пристрастіе къ разнымъ способамъ ея удовлетворенія. Прежніе опыты удовлетворенія стремленія могутъ вызывать потребность именно въ *опредѣленныхъ и различныхъ* способахъ удовлетворенія потребности. „Душа и тѣло имѣютъ множество потребностей, изъ коихъ каждая распложаетъ множество желаній, по множеству предметовъ, годныхъ къ ихъ удовлетворенію“. *Е. Теофанъ. Толков. перв. восьми гл. Посл. Рим. (VII, 14), стр. 429*.—„Извѣданный предметъ становится предметомъ пожеланія всякій разъ, какъ возбудится потребность“. *Онъ же. Начерт. христ. нравоуч., стр. 302—303*.

интенсивности, получивъ характеръ безмѣрности ¹⁾). Последнее качество особенно рельефно выдѣляется и становится по истинѣ удивительнымъ и получаетъ знаменательный смыслъ при сравненіи въ этомъ отношеніи человѣка съ животными. Человѣкъ, поставившій цѣлью своей жизни удовольствіе, въ удовлетвореніи своихъ потребностей не знаетъ мѣры, обнаруживаетъ какъ бы ненасытимость, безграничность своихъ желаній. Удовлетвореніе потребности въ такомъ случаѣ не успокоиваетъ, а еще болѣе раздражаетъ его, и онъ, не зная удержу, не только совершенно переходитъ границы естественной необходимости, но впадаетъ прямо въ *противоестественность* ²⁾ ³⁾).

Человѣкъ въ такомъ случаѣ, если онъ обладаетъ матеріальными средствами, пользуется благопріятствующими вышними обстоятельствами, — иногда прямо измышляетъ себѣ потребности, создаетъ новыя, и однакожъ никогда не успокоивается. Здѣсь сказывается вліяніе духа, поработеннаго чувственностью и душевностью и обращеннаго ими на служеніе

¹⁾ Ср. Римл. I, 26—30. Ефес. IV, 19.

²⁾ Онъ же. Путь ко спасенію, стр. 75—76.

³⁾ Указанный фактъ отмѣчается и свв. аскетами. По словамъ, напр., Св. Василія В., „переступившіе предѣлы потребностей, подобно несущимся внизъ по скату, не имѣя предъ собою ничего такого, на чемъ бы удержаться, нигдѣ не останавливаются въ своемъ стремленіи впередъ, но, чѣмъ далѣе простираются впередъ, тѣмъ болѣе, для удовлетворенія пожеланія, имѣютъ нужду въ равномъ прежнему, или еще въ большемъ. Sermo de legendis libris gentilium. C. VIII. T. XXXI, col. 585 AB. Ср. Нилъ Син. De monastica exercitatione. c. LXIX, col. 804A. Это наблюденіе вполне подтверждается и современными данными экспериментальной психологіи. Согласно этимъ даннымъ, „всякое чувствованіе, развитое у насъ, требуетъ для своего возбужденія большаго и большаго раздраженія, ибо, на основаніи психо-физическаго закона „*степень раздраженія должна расти въ геометрической прогрессіи, если нужно, чтобы степень ощущенія росла въ арифметической прогрессіи, или ощущеніе растетъ пропорціонально логарифму раздраженія* (W. Wundt. Grundzüge des phisiologischen Pshychologie. Leipzig, 1887, стр. 386 и 383). То, что сегодня вызвало извѣстное опредѣленное чувствованіе, завтра дѣйствуетъ уже слабѣе, поэтому необходимо возвысить раздраженіе даже для того только, чтобы получить прежній эффектъ. Это повышеніе раздраженія просто возбуждаетъ человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызываемое имъ чувствованіе способно-мало-по-малу перейти въ страсть и, наконецъ, такъ завладѣть имъ, что всѣ его стремленія и желанія будутъ сосредоточены надъ возбужденіемъ и удовлетвореніемъ этого чувствованія. П. Лесгафтъ. Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе. СПб. 1900 стр. 35—38.

себѣ. Надѣленный безконечными стремленіями, онъ ищетъ удовлетворенія своихъ стремленій и примѣненія своей энергіи именно въ удовлетвореніи низшей стороны человѣка, получившей въ послѣднемъ перевѣсъ и преобладаніе. Вотъ откуда низшія потребности человѣка получаютъ не принадлежащій имъ самимъ по себѣ характеръ безмѣрности, какъ бы безконечности.

Высшія силы и способности человѣка, лишенныя общаго центра тяготѣнія, который бы ихъ объединялъ, регулировалъ, давалъ имъ общій тонъ и направленіе, опредѣлялъ должное ихъ взаимоотношеніе, — подобно низшимъ потребностямъ, — стали въ ненормальное отношеніе и къ личности человѣка и другъ къ другу. Онѣ какъ бы отпали отъ личнаго центра, стали въ нѣкоторую независимость отъ него, приобрѣли самостоятельность. А отсюда утратилось и нарушилось и нормальное ихъ взаимоотношеніе, которое характеризуется ихъ полнымъ *взаимопроникновеніемъ* ¹⁾. Получилась ихъ разобщенность, отсюда — односторонность, преобладаніе въ человѣкѣ *одной* способности въ *ущербъ* другимъ. Одна изъ нихъ развивается какъ бы на счетъ другихъ. Такъ, разсудокъ рѣдко уживается въ мирѣ съ сердцемъ и должнымъ образомъ управляется волей. Мы видимъ часто людей, живущихъ какъ бы одною умственной жизнью, такъ называемыхъ, теоретиковъ, холодныхъ и нечувствительныхъ къ окружающему, бездушныхъ формалистовъ, для которыхъ закономъ дѣятельности въ лучшихъ случаяхъ служить принципъ: *fiat justitia et pereat mundus*. Наблюдаемъ — и особенно часто — полнѣйшій разладъ иногда самыхъ искреннихъ убѣжденій съ образомъ жизни и дѣятельности, когда человѣкъ съ горечью говоритъ себѣ и другимъ: «суждены мнѣ благія стремленья, но свершить мнѣ изъ нихъ ничего не дано». Сердечная мягкость, «чувствительность» служить болѣею частью синонимомъ безхарактерности. Бываютъ люди съ сильно развитой силой воли, но не управляемой ни сердцемъ, ни разсудкомъ, — упорные, не внимающіе никакимъ убѣжденіямъ, не доступные сочувствію и т. под...

¹⁾ По современной психологической теоріи, силы и способности человѣка — познавательная, эмоціальная и дѣятельная — суть лишь разныя стороны одной и той же силы (души), которая проявляетъ себя въ разныхъ отношеніяхъ *различно*, при чемъ выступаетъ яснѣе и рельефнѣе то одна, то другая, то третья сторона, но въ каждой изъ нихъ присутствуютъ непремѣнно и двѣ другія.

И самыя силы и способности человѣка, будучи лишены гармоническаго (даже, конечно, относительно) взаимопроникновенія, дѣйствуютъ въ человѣкѣ или разрозненно одна отъ другой или же одна изъ нихъ беретъ перевѣсъ надъ другою и препятствуетъ правильному и законному ея функционированію. Напр., чувство по большей части заправляетъ разсудкомъ въ ущербъ вліянію на его дѣятельность воли, вслѣдствіе чего получается пристрастное, тенденціозное, или одностороннее или же прямо ложное познаніе.

Сердце не подчиняется доводамъ разсудка, такъ что человѣкъ переживаетъ часто разладъ, непримиримое противорѣчіе между сердцемъ и разсудкомъ, не будучи въ состояніи дать себѣ отчетъ въ томъ, къ чему собственно направляетъ его сердце («о сердце, сердце, кто знаетъ, чего ты хочешь») и т. под.

Разстройство и одностороннее направленіе силъ человѣка находятъ свое наиболѣе полное, сильное, рельефное и характерное выраженіе въ такъ наз. *страстяхъ* ¹⁾.

Собственно въ этихъ послѣднихъ и выражается фактически отпаденіе человѣка отъ живого союза съ Богомъ, вслѣдствіе получившаго преобладаніе въ его жизнедѣятельности начала грѣховнаго *себялюбія, эгоизма* ²⁾.

Страсть всегда указываетъ на одностороннее, негармоническое и несвободное состояніе силъ человѣка ³⁾, отъ котораго

¹⁾ Ср. Препод. *Макарій Е.*, *Номік. XV*, с. L, col. 609C: „міръ страждетъ порочною страстію (πάσχει ὁ κόσμος πάθος κακίας)“.

²⁾ Ср. *Е. Теофанъ*. Толков. перв. восьми Гл. Посл. Римл. (VII, 14), стр. 423: „вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣкъ произнесъ внутри рѣшеніе: такъ я самъ устроюсь, насалъ въ самость, и въ этой самости воспринялъ сѣмя злыхъ страстей, исходящихъ изъ сей самости и не коренящихся въ естествѣ“. Ср. *ibid.*, стр. 431 (VII, 17); стр. 449 (VII, 2). Ср. также *ibid.* VII, 5, стр. 389: „Богъ создалъ естество наше чистымъ отъ страстей. Но когда отпали мы отъ Бога и, остановясь на себѣ, вмѣсто Бога себя стали любить и себѣ всячески угождать, тогда въ сей самости воспріяли мы и всѣ страсти, которыя въ ней коренятся и изъ нея рождаются“. Ср. *ibid.*, стр. 208 (III, 12), 209, 485 (VIII, 13), 487 (*ibid.*, ст. 10). Ср. *Ава Дорошея*. *Doctr. XII*, с. VI, M. S. Gr. T. LXXXVIII. col. 1757 C—D: *Исаѣ Сиринъ*. *лог. LXXXIII*, сѣл. 466, 467.

³⁾ Общее и широкое значеніе слова—πάθος—страданіе вообще. См., напр., *Griechisch—Deutsches Handwörterbuch von Dr W. Pape. II Band.* (Braunschweig. 1857). S. 428—429. „О страсти говорятъ въ двоякомъ смыслѣ. Говорятъ и о *тѣлесной* страсти, напр. о болѣзняхъ и ранахъ; говорятъ, съ другой стороны, и о *душевной* страсти,—о похоти, о гнѣвѣ (τὸ πάθος σωματικῶς λέγεται. Λέγεται γὰρ πάθος καὶ τὸ σωματικόν, ὡς τὰ νοσήματα

страдаетъ и его объективное достоинство и субъективное благосостояніе ¹⁾).

Единичный интересъ, чрезмѣрно разросшись въ ущербъ другимъ, подчиняетъ своему деспотическому господству волю человѣка, почему страсть является болѣзнію *по преимуществу воли* ²⁾, хотя и другія силы и способности человѣка извращаются и получаютъ ложное, превратное направленіе, въ слѣдствіе вліянія страсти на всю психо-физическую жизнь.

Все громадное множество, «разнообразіе страстей» (ἡ ποικιλία τῶν παθημάτων) ³⁾, которыя свв. аскеты сводятъ обыкновенно къ *восемь* ⁴⁾ ⁵⁾ *главнымъ* ⁶⁾, обычно раздѣляются ими на *тѣ-*

καὶ τα ἑλκε. λέγεται πάλιν πάθος, καὶ τὸ ψυχικόν, ἣ τε ἐπιθυμία, καὶ ὁ θυμός). *I. Дамаскинъ. De fide orthodoxa. L. II, с. XXII, Т. XCIV col. 940CD.* Такимъ обр., въ отличіе отъ порочныхъ душевныхъ страстей, покоящихся на свободѣ воли, могутъ быть и дѣйствительно бываютъ „естественныя и безпорочныя страсти“ (φυσικὰ καὶ ἀδιέβλητα πάθη). Здѣсь разумѣются такія состоянія человеческой природы, которыя не зависятъ отъ самого человѣка, но вошли въ человеческую жизнь, въ слѣдствіе осужденія за преступленіе, какъ, напр., голодъ, жажда, утомленіе, трудъ, слезы, тлѣніе и т. под. *Онъ же. Ibid., L. III. с. XX, col. 1081B. Ср. Григорій Нисскій. De pauperibus amandis. Or. I. T. XLVI, col. 457C.* Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, конечно, говорится и о „страстяхъ“ (πάθη) Христовыхъ. См., напр., *I. Дамаскинъ. Ibid., с. XV, col. 1060B. Ср. Е. Теофанъ. Толков. Посл. Галат. (VI, 8), стр. 401:* „если каждую страсть назовемъ раной души или болѣзнію, что и значить греческое ихъ наименованіе—πάθος—то изгнаніе страсти и видѣреніе вмѣсто ея добраго расположенія—плода Духа, будетъ заглѣченіе раны, исцѣленіе болѣзни“.

¹⁾ „Страданіе вообще происходитъ тогда, когда дѣйствительныя состоянія извѣстнаго существа опредѣляются чѣмъ-либо для него внѣшнимъ, чуждымъ и противнымъ“. *В. С. Соловьевъ. Полное собраніе сочиненій. Т. II, стр. 45.*

²⁾ Особенно выразительно говоритъ объ этомъ *Бл. Августинъ. De civitate Dei. L. XIV, с. VI, col. 409. Превосв. Теофанъ* страсти называетъ „худыми настроеніями воли“. (Начерт. христ. нравовъ, стр. 292). Въ связи съ этимъ стоитъ святоотеческое ученіе и о томъ, что „зла, независащаго отъ воли, имѣющаго свое самостоятельное бытіе, во всей природѣ существъ нѣтъ никакого“ *Григорій Нисскій. De virginitate. с. XII. Т. XLVI, col. 372A.*

³⁾ *Григорій Нисскій. De oratione Dominica Or. IV. Т. XLIV, col. 1172 B.*

⁴⁾ Эти восемь страстей перечисляются обычно почти въ одинаковомъ, а именно въ слѣдующемъ порядкѣ: γαστριμαργία, порνεія, φιλαργυρία, ὀργή, λύπη, ἀκηεія, κеноδοξία, блерηφανία (*Нилъ Синайскій. De vitiis quae opposita sunt virtutibus. Т. LXXIX, col. 1140 sqq. Ср. также Его же. De octo spiritalibus malitiae, col. 1145—1164. Иоаннъ Кассіанъ. Collatio V, с. 2, col. 611 А. Евагріій Понтійскій. De octo vitiosis cogitationibus, col. 1272 А.*

лесныя (σωματικά, carnalia) и душевныя (ψυχικά, spiritualia) ¹⁾. Первые имѣютъ свою почву въ тѣлесныхъ потребностяхъ и ин-

Ефремъ Сиринъ. De octo cogitationibus. Т. II, р. 321 С. *Иоаннъ Дамаскинъ*. περὶ τῶν ὁκτώ τῆς πονηρίας πνευμάτων. Т. ХСV, col. 80 А. *Исихій*. Centuria de temperantia et virtute. с. II, § 75, Т. ХСIII, col 1536 D).

Нѣкоторое различіе въ порядкѣ расположенія указанныхъ страстей обуславливается только тѣмъ, что одни писатели на 4 мѣстѣ поставляютъ ὁρεγή, а на 5—λύπη, а другіе поступаютъ наоборотъ. Первый порядокъ соблюдаютъ Иоаннъ Касс., Нилъ Син., Ефремъ Сир., а второй—Евагріѳ Понтійскій, Исихій, Иоаннъ Дамаскинъ.

Разъ навсегда замѣтимъ, что творенія св. *Ефрема Сирина* нами цитируются по слѣдующему изданію: Sancti Patris nostri Ephraem Syri opera omnia, quae exstant Graece, Syriace, Latine, in sex tomos distributa. Romae. MDCCXXXVII.

⁵⁾ Современное научное состояніе вопроса относительно времени происхожденія и фиксированія ученія именно о восьми главныхъ, основныхъ страстяхъ, въ связи съ научными гипотезами объ авторахъ этого ученія, а также принципиальная оцѣнка указанной систематизаціи, преимущественно въ виду нападокъ на нее протестантской критики, пытающейся подорвать всякое психологическое религиозное и нравственно-педагогическое ея значеніе, въ связи съ другими соприкосновенными вопросами,—выдѣляется нами въ особый, отдѣльный трактатъ и помѣщается послѣ настоящаго очерка, въ видѣ приложенія къ нему, чтобы не нарушить органически-цѣлостнаго его характера.

⁶⁾ Перечисленные страсти называются *главными пороками* (principalia vitia. *І Кассіанъ*. De coenobior. inst. lib. V, с. I, col. 202 С. Ср. Collat. V, с. 2, col. 611 А), *родовыми*, въ которыхъ заключаются всѣ остальные страстныя движенія (*Евагріѳ Понтійскій* loc. cit: ὁκτώ εἰς πέντε οἱ γενικώτατοι λογισμοί, ἐν οἷς περιέχεται πᾶς λογισμός), *производителями* всякаго зла (οἱ τὰ κακὰ ἐνεργοῦντες. *Ефремъ Сир.* loc. cit), *первенствующими* (πρωτεύουσας) среди остальныхъ пороковъ и *правителями* (καὶ ἐπιτρόπους) ихъ (*Иоаннъ Лествич.* Λογ. XXII, col. 948—949). Св. *І. Кассіанъ* представляетъ даже примѣрную таблицу и, такъ сказать, родословную остальныхъ—наиболѣе замѣтныхъ—пороковъ, которые происходятъ отъ восьми главныхъ страстей, какъ отъ своихъ производителей и корней. Coll. V, с. XVI, col. 634 АВ; ср. ibid., col. 633 А.

¹⁾ *Григорій Б.* Or. XXXVII, с. XXII. Т. XXXVI, col. 308 А: отсѣки тѣлесныя страсти, отсѣки и душевныя (ἐκτεμνε τὰ σωματικὰ πάθη, ἐκτεμνε καὶ τὰ ψυχικά). *Евагріѳ Понтійскій*. Capita practica ad Anatolium. De affectibus, с. XXIV, col. 1228С: τὰ μὲν τῆς ψυχῆς πάθη, ἐκ τῶν ἀνθρώπων ἔχει τὰς ἀφορμὰς. τὰ δὲ τοῦ σώματος, ἐκ τοῦ σώματος. *Иоаннъ Кассіанъ* Coll. V, с. IV, col. 613—614 А. Всѣ пороки раздѣляются у него на два разряда (duplici divisione): quaedam dicimus esse carnalia, quaedam vero spiritualia. *Нилъ Синайскій*. Ad Eulogium, с. XXIII, col. 1124 ВС: τὰ μὲν σωματικὰ πάθη ἐκ τῶν φυσικῶν τῆς σαρκὸς ἀρχὴν λαμβάνουσι... τὰ δὲ ψυχικά, ἐκ τῶν ψυχικῶν τὴν αἰτίαν ἔχει... Ср. *Епифаній Кипрскій*. Haer. LXIV (adv. Origen. с. LIII). Т. XLI, col. 1160 А. *Исаакъ Сиринъ*. Λογ. А, σελ. 3. Apophthegmata

стинктахъ, вторыя—въ душевныхъ ¹⁾). Это дѣленіе не означаетъ однако того, чтобы первыя разсматривались исключительно въ качествѣ фізіологическихъ актовъ; это—состоянія *психофизическія* ²⁾). Даже болѣе. Центръ тяжести ихъ, какъ и страстей специально душевныхъ, лежитъ собственно также *въ душѣ*. Поэтому и въ такъ называемыхъ «тѣлесныхъ» страстяхъ весьма трудно, даже невозможно, провести замѣтную грань между фізіологическимъ и психическимъ элементами.

На основаніи данныхъ святоотеческой аскетической психологіи всякую страсть вообще можно опредѣлить, какъ сильное и длительное желаніе, а желаніе въ свою очередь,—какъ сознannую потребность, выяснившуюся и опредѣлившуюся, благодаря прежнимъ опытамъ ея удовлетворенія. По словамъ, напр., св. *Іоанна Дамаскина*, «опредѣленіе душевныхъ страстей—такое: страсть есть возбуждающее чувство движеніе желательной способности, вслѣдствіе представленія блага или зла» ³⁾). Что же касается *желанія*, то оно складывается изъ трехъ элементовъ: неудовлетвореннаго стремленія (или стремленія, сопровождаемаго чувствомъ угнетенія) ⁴⁾, представленія предмета, способнаго удовлетворить этому стремленію и, наконецъ, чувства удовольствія, знакомаго изъ прежнихъ опытовъ удовлетворенія возникшей склонности соотвѣтствующимъ предметомъ.

Чувство удовольствія, соединяемое съ представленіемъ такого предмета, можетъ достигать высокой степени интенсивности, приближающей его къ чувству, испытываемому при дѣйствительномъ удовлетвореніи извѣстнаго желанія. Нормально дѣло обстоитъ въ данномъ случаѣ тогда, когда интенсивность этого чувства соотвѣтствуетъ силѣ дѣйствительной потребности въ извѣстномъ предметѣ, отмѣчаемой стремленіемъ и въ немъ проявляющейся. Чувствованіе является въ такомъ

Patrum, col. 324 A, § 8 (ср. Verba Seniorum, X, § 39, col. 920 A) *Е. Теофанъ*. Толков. Посл. Ефес. (II, 3), стр. 124. Толков. первыхъ восьми Гл. Посл. Римл. (VI, 6), ст. 341; ср. *ibid.* (VI, 12), стр. 352 и др.

¹⁾ См. особенно у *Евагрія Понтійскаго*, *Іоанна Кассіана*, *Нила Синайскаго*. *Loc. cit.*

²⁾ Ср. *Нилъ Синайскій*. Tr. ad Eulogium. c. XIX, col. 1117 B.

³⁾ De fide orthodoxa. L. II, c. XXII, col. 940 D: τῶν ψυχικῶν παθῶν ὅρος ἐστὶν οὗτος. πάθος ἐστὶ κίνησις τῆς ὀρεκτικῆς δυνάμεως αἰσθητῇ, ἐπὶ φαντασίᾳ ἀγαθοῦ ἢ κακοῦ.

⁴⁾ Ср. *Климентъ Александрійскій*. Strom. L. III, c. 5. T. VIII, col. 1145 A: ἐπιθυμία δὲ λύπη τις καὶ φρόντις δι' ἐνδεῖαν ὀρεγομένη νενος.

случаѣ въ качествѣ производнаго, второстепеннаго, только сопровождающаго момента ¹⁾. Однако каждому даже изъ непосредственнаго самоаблюденія извѣстно, что не всегда сохраняется такое правильное взаимоотношеніе между элементами, слагающими желаніе. Когда между ними установилась прочная ассоціація, то представленіе предмета, способнаго удовлетворить извѣстному стремленію, возникши въ сознаніи и соединившись съ чувствомъ удовольствія предвкушаемаго удовлетворенія этому стремленію при посредствѣ представляемаго предмета,—можетъ вызвать и самое влеченіе или стремленіе. Въ такомъ случаѣ удовлетвореніе стремленія предпринимается и совершается собственно для того, чтобы испытать и пережить *чувство удовольствія*, соединенное съ этимъ удовлетвореніемъ ²⁾. Если это касается потребности тѣлесной, то нервная система, связанная съ извѣстными физическими органами удовлетворенія этой потребности, ненормально раздражается и побуждаетъ человѣка къ излишнему, не отвѣчающему дѣйствительной нуждѣ организма, удовлетворенію.

Итакъ центръ тяжести даже, такъ называемыхъ, «*плотскихъ*» страстей лежитъ несомнѣнно въ *психической области*, и именно есть актъ *волевой по преимуществу*. Эта мысль очень часто и съ особеннымъ удареніемъ, для насъ очень знаменательнымъ, раскрывается свв. отцами-аскетами.

По ученію, напр., св. *Іоанна Златоуста*, должное, нормальное состояніе тѣла бываетъ тогда, когда оно повинуется душѣ (ἀρετή γάρ σαρκός τὸ ὑποταχῆσαι τῇ ψυχῇ), тогда какъ, наоборотъ, господство его надъ душою является зломъ (κακία δὲ τὸ ἄρχειν ψυχῆς). Плоть тогда хороша, когда душа вполнѣ владѣетъ ею, удерживая въ должныхъ границахъ ея порывы ³⁾. Напр., «объявленіе» (ἡ τρυφή) происходитъ не по тѣлесной нуждѣ, а вслѣд-

¹⁾ Ср., напр. *Нилъ Синайскій*. Epistolarum Lib. IV, n. 56, col. 576 B.

²⁾ Отсюда объясняется смыслъ того опредѣленія св. *Іоанна Дамаскина*, согласно которому только тѣ движенія страдательной части души называются страстью, которыя *очень сильны и доходятъ до области чувства* (εἰς αἰσθητικὴν προβαίνουσαι). Что же касается незначительныхъ движеній, остающихся незамѣтными для чувства, то они не производятъ страсти. De fide orthodoxa. ЛП, с. XXII, col. 941 B. Въ этомъ же смыслѣ, можно полагать, и *преосв. Теофанъ* говоритъ, что страсти „суть сердечныя движенія“. Путь ко спасенію, стр. 281; ср. стр. 276.

³⁾ In Epist. ad Ephes. c. II. Homil. V, c. 4 T. LXII, col. 41; ср. In Genes. T. I. III, col. 189.

ствіе невнимательности души: для тѣла нужна пища, а не объяденіе. Все остальное, кромѣ необходимыхъ потребностей тѣла, принадлежить *душѣ*» ¹⁾.

Таково же точно по своему смыслу и ученіе св. *Антонія В.* По словамъ этого подвижника, «въ тѣлѣ находится естественное возбуждающее его движеніе; но оно не производитъ своего дѣйствія, если на то не послѣдуетъ согласія души; ибо хотя оно (дѣйствительно) присуще тѣлу, но не противостоитъ (очевидно, душѣ) и не понуждаетъ (ее)» ²⁾. Представимъ, наконецъ, и ученіе по данному вопросу св. *Максима Исповѣдника*, который и въ настоящемъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, совершенно точно формулируетъ сущность ученія предшествовавшихъ ему свв. Отцовъ. По его словамъ, «порокъ есть погрѣшительное сужденіе о мысленныхъ представленіяхъ, сопровождаемое неправильнымъ употребленіемъ вещей». Напримѣръ, правильное сужденіе о совокупленіи съ женою (ἐπὶ τῆς γυναικός) бываетъ тогда, когда цѣлью его поставляется дѣторожденіе (παίδοποιά). Но кто при этомъ имѣетъ въ виду сладострастіе (собственно *удовольствіе*) (εἰς τὴν ἡδονὴν ἀποβλεψάμενος), тотъ погрѣшаетъ въ сужденіи (περὶ τὴν κρίσιν), не доброе считая добрымъ (τὸ μὴ καλὸν ὡς καλὸν ἡγησάμενος) ³⁾. Такимъ образомъ, «не пища зло, но чревоугодіе; не дѣторожденіе, но блудъ; не деньги, но сребролюбіе, не слава, но тщеславіе; а если такъ, то нѣтъ въ природѣ зла (οὐδὲν ἐν τοῖς οὖσι κακόν), кромѣ злоупотребленія, которое случается отъ невниманія ума къ дѣйствіямъ естественнымъ (ἐκ τῆς τοῦ νοῦ ἀμελείας περὶ τὴν φυσικὴν γεωργίαν)» ⁴⁾. Въ частности «пища создана для двухъ потребностей,—для питанія и врачеванія». Поэтому, «принимающіе ее не съ этими намѣреніями (πάρεξ τούτων), употребляя во зло данное Богомъ на пользу, осуждаются, какъ сластолюбцы (ὡς τρυφῆται). И во всѣхъ вещахъ неправильное употребленіе есть грѣхъ» ⁵⁾.

Такимъ образомъ, страсть можно опредѣлять, какъ *сильное и длительное желаніе*, которое властно управлять разумнымъ

¹⁾ Ibid., col. 42.

²⁾ Admonitiones ad monachos. T. XL, col. 1083 C—1084 A. Cp. Apophthegmata Patrum, § 22, col. 84 A (Verba Seniorum V, 1, col. 873 D).

³⁾ Cent. II, § 17. T. XC, col. 989; cp. ibid., § 83, col. 1009 D.

⁴⁾ Cent. II, § 4, col. 1017 CD.

⁵⁾ Cent. III, § 86, col. 1044 B.

существомъ, фактически проявляясь не иначе, какъ при условіи слабости «*разума*» (τοῦ νοῦ), т. е., иначе говоря, *духа* ¹⁾).

Отсюда центръ тяжести всѣхъ страстей вообще—и душевныхъ и тѣлесныхъ—полагается свв. Отцами именно *въ духовной сторонѣ* человѣка, въ ея неправильномъ, поврежденномъ состояніи какъ самой въ себѣ, такъ и въ протекающей отсюда ея слабости по отношенію къ другимъ низшимъ силамъ и способностямъ человѣка. Говоря о различныхъ страстяхъ—проявленіяхъ сластолюбія,—св. Григорій Нисскій категорически утверждаетъ, что *всѣ онѣ произрастаютъ изъ худого дѣланія ума* (ταῦτα πάντα τῆς πονηρᾶς τοῦ νοῦ γαργῆας ἐστίν). «Ибо, если страсть лишится содѣйствія помысловъ, (λογισμῶν) то раздражительность останется чѣмъ-то скоропреходящимъ и безсильнымъ» ²⁾. Именно «*худое дѣланіе разума*» является почвою, необходимымъ условіемъ, существеннымъ факторомъ происхожденія, развитія и укрѣпленія «страсти». Отсюда центральнымъ, фундаментальнымъ, главнымъ слагающимъ и образующимъ ее элементомъ является «*помыслъ*» (ὁ λογισμός),—разумѣется, «помыслъ» съ опредѣленною, специфической нравственной окраскою и внутреннимъ содержаніемъ,—называемый обычно въ аскетической литературѣ *злымъ, дурнымъ помысломъ*—ὁ πονηρὸς λογισμός ³⁾, *качѣственнымъ*—καχὸς λογισμός ⁴⁾,—*нечистымъ*—ὁ ῥυπαρὸς λογισμός ⁵⁾; *постыднымъ*—αἰσχρὸς λογισμός ⁶⁾; *невоздержнымъ*—(ἀκόλαστος λογισμός) ⁷⁾ и под.

¹⁾ По ученію, напр., св. Григорія Нискаго, если разумъ ослабитъ свою власть надъ стремленіями и влеченіями, которыя у него общи съ другими существами міра, тогда эти стремленія обращаются въ страсть. De anima et resurrectione T. XLVI, col. 61 C (Ср. col. 60—61).

²⁾ Григорій Нисскій. De hominis opificio, c. XVIII. T. XLIV, col. 193 B.

³⁾ Напр., Aphrothegm. Patrum, col. 208 B, § 12; col. 328 A, § 21; Макарій Е. Homil I, c. V, col. 456 A; Homil XVI, c. VI, col. 617 A. Евагріій Понт. Capita pract. ad Anatol, c. LXVI, col. 1240 B. Маркъ Подвижн. De lege spiritual. c. CLXX, col. 925. Нилъ Синайскій. Epist. lib. III, col. 513. Исаакъ Сиринъ. Лог. А, сѣл. 3. Симеонъ Нов.-Б. De tribus modis orationis, col. 701 C, 708 B. Ср. Мѣ. XV, 19; Мрк. VII, 21—22.

⁴⁾ Маркъ Подвижникъ, col. 956. Симеонъ Нов. Бог. loc. cit., col. 701 B. С и др.

⁵⁾ Aphrothegmata Patrum, col. 328 A, § 21 (авва Исаія спрашивалъ авву Пимена о нечистыхъ помыслахъ (περὶ τῶν ῥυπαρῶν λογισμῶν). Макарій Е. Homil. XVI, c. VI, col. 617 A. и др.

⁶⁾ Евагріій Понт. Capita practica ad Anatolium. c. LXIV, col. 1237 C. Нилъ Синайскій. Epist. XXXI. col. 97 и др.

⁷⁾ Григорій Нисскій. De beatitudinibus. Or. V, T. XLIV, col. 1260 A

Такой «помысль», являясь или исходнымъ пунктомъ, началомъ страсти ¹⁾ или же завершеніемъ ея ²⁾,—въ обоихъ случаяхъ представляетъ собою моментъ въ высшей степени, существенно важный для опредѣленія специфическаго содержанія, характерныхъ особенностей тѣхъ явленій, которые называются «страстями». Вотъ почему аскетическое ученіе о «*помыслахъ*» представляетъ собою наиболѣе существенный, основной и характерный элементъ въ общемъ міровоззрѣніи подвижниковъ, отражаясь такъ или иначе—прямо или косвенно, замѣтно или прикровенно—во всѣхъ пунктахъ приложенія ихъ аскетическаго дѣланія и рельефно отпечатлѣваясь въ наиболѣе важныхъ моментахъ теоретическаго раскрытія аскетической системы.

Всякая страсть, по ученію аскетовъ, именно *чрезъ помыслы* становится властелиномъ порабоощаемаго ею челоуѣка ³⁾, такъ что причину порабоощенія его какой-либо страсти слѣдуетъ обязательно искать въ предшествующемъ порабоощеніи чему-либо «*помысла*» ⁴⁾. Сущность нравственнаго зла именно въ томъ и состоитъ, что люди по собственной волѣ *уклонились отъ достодолжнаго помысла* ⁵⁾. Это уклоненіе собственно состояло въ томъ, что со времени Адамова преступленія помыслы души, отторгшись отъ любви Божіей, разсѣялись въ этомъ мірѣ, и смѣшались съ помыслами вещественными и земными ⁶⁾. Вотъ почему душа, непрічастная божественной благодати, наполняется великимъ зловоніемъ лукавыхъ помысловъ (λογισμῶν πονηρῶν) ⁷⁾. Слѣдов., въ челоуѣкѣ есть зло, обитающее и дѣйствующее въ сердцѣ, внушая лукавые и нечистые помыслы ⁸⁾. Так. обр. помыслы (имѣютъ свой настоящій источникъ) не внѣ челоуѣка, но (появляются) внутри, проистекаютъ изъ «*сердца*» ⁹⁾. Указанные «помыслы» самымъ нагляднымъ и убѣдительнымъ

¹⁾ *Евагріѣ Понтийскій*. De octo vitiosis cogitationibus ad Anatolium. I, col. 1272 A.

²⁾ *Онъ же*. Capita practica ad Anatolium LXIV, col. 1237 B. Ср. Liber practicus XLIII, col. 1244, CD.

³⁾ *Григорій Нисскій*. De beatitudinibus. Or. III. T. XLIV, col. 1228 B.

⁴⁾ *Онъ же*. In Ecclesiasten Homil. VIII. T. XLIV, col. 744 B.

⁵⁾ *Макарій Е.* Homil. XVI, c. I, col. 613 A.

⁶⁾ *Онъ же*. Homil. XXIV, c. 2, col. 664 A.

⁷⁾ *Онъ же*. Homil. I, c. V, col. 456 A; ср. c. IX, col. 460 A.

⁸⁾ Homil. XVI, c. VI, col. 617 A.

⁹⁾ Homil. XV, c. XIII, col. 584 C: οἱ λογισμοὶ οὐκ εἰσὶν ἔξωθεν, ἀλλ' ἐνδοθεν ἐκ τῆς καρδίας. Ср. *Маркъ Подвижникъ*. De baptism., col. 1000 D, 1024 B.

образомъ свидѣлствуютъ о грѣховной испорченности чело-
вѣка, тогда какъ, наоборотъ, одно изъ отличій истинныхъ хри-
стіанъ отъ другихъ людей заключается въ томъ, что они уже
не разсѣваются и не волнуются непостоянными и суетными
помыслами (ἐν ἀστάτοις καὶ ματαίοις λογισμοῖς ¹⁾). Именно «помыслы»
препятствуютъ подвижнику достигать намѣченной цѣли—спа-
сенія души ²⁾.

Съ этой точки зрѣнія вся задача подвижнической жизни
сводится собственно къ тому, чтобы пріобрѣсти дѣйствительную
способность «*владѣть своимъ умомъ въ помыслахъ*» ³⁾. Въ томъ
весь подвигъ и о томъ должно быть все стараніе у чело-
вѣка, чтобы «*противиться лукавымъ «помысламъ»*» ⁴⁾. Конечно, при
этомъ требуется много борьбы и тайнаго невидимаго труда,
чтобы испытывать помыслы ⁵⁾ ⁶⁾. Слѣдов., чело-
вѣку надо весь подвигъ свой обращать на помыслы ⁷⁾—непрестанно упражнять
и воздѣлывать съ разумѣніемъ умъ и помыслы, соглашая ихъ
съ волею Божіею ⁸⁾. Это безусловно необходимо и собственно
потому, «что Духъ Св. руководитъ душею именно «посредствомъ

¹⁾ Homil. V, c. IV, col. 497 B; ср. c. V, col. 497 D.

²⁾ Ср. Apophthegm. Patrum, col. 76 A: Авва Антоній, пребывая въ пу-
стынѣ, впалъ въ уныніе и въ глубокую тьму „помысловъ“ (ἐν ἀκηδία γέγονε
καὶ πολλῇ σκοτίᾳ συνελογισμῶν); и зывалъ онъ къ Богу: Господи, я
хочу спастись, а помыслы не даютъ мнѣ (οὐκ ἔῴσι με οἱ λογισμοί).

³⁾ Макарій Е. Homil. VI, c. I, col. 517 C; ср. Homil. XV, c. XXVIII, col.
593 D; Homil. III, c. 3, col. 469 BC; ср. Древній Патерикъ VII, 56, стр. 160.

⁴⁾ De patientia et discretione. c. IX, col. 872 C. Ср. De libertate mentis
c. V, col. 940 A. Антоній В. Sententiarum expositio, col. 1085 D. Ср. Гри-
горій Нисскій. In Psalmos, ч. II, col. 492 C. Евагріій Понтій. Sententiae ad
virgines, col. 1284 A. Apophthegm. De abbate Abrahamo, § 1, col. 129 D—
132 AB. Исаакъ Сир. Асѣ. XXXIV, сѣл. 221. Ср. Древній Патерикъ, XI, 4,
стр. 250.

⁵⁾ De custodia cordis. c. VII, col. 825 A.

⁶⁾ При этомъ, не довольствуясь личною опытностію, подвижники, съ
цѣлью достигнуть болѣе точнаго и безошибочнаго различенія помысловъ,
обычно прибѣгали къ помощи аскетовъ, выдающихся своими подвигами.
Такъ авву Антонія спрашивали о „помыслахъ“ и о спасеніи души (περὶ
λογισμῶν καὶ σωτηρίας ψυχῆς. Apophthegm. § 27, col. 84 CD; ср. col. 89 A, § 6
(объ аввѣ Арсеніи); col. 124 A, § 11.

⁷⁾ Homil. VI, c. III, col. 520 C: καὶ ἐλὼν τὸν ἀγῶνα τοῦ ἀνθρώπου ἐκτελεῖν
ἐν τοῖς λογισμοῖς. Ср. Е. Теофанъ. Толков. перв. восьми гл. Посл. Римл.
(VI, 6), стр. 342. Начерт. христ. правоуч., стр. 158. Путь ко спасенію,
стр. 274. Это правило выполнялось въ дѣйствительности и практически.
См. напр. Verba Seniorum, V, 14, col. 877 A. (ср. Патерикъ, § 17, стр. 90).

⁸⁾ De libertate mentis. c. VII, col. 940 D.

достойныхъ души помысловъ» ¹⁾). Вотъ почему наблюденіе и урегулированіе «помысловъ» является наиболѣе важнымъ, существеннымъ и—по своимъ результатамъ—самымъ плѣсообразнымъ аскетическимъ подвигомъ. «Нѣкоторые бываютъ внимательны къ помысламъ, и весь подвигъ совершаютъ внутренно» ²⁾). Такимъ образомъ именно «помысль» (λογισμός) съ извѣстнымъ качественнымъ содержаніемъ и направленіемъ является, по аскетическому ученію ³⁾), не только исходнымъ моментомъ воз-

¹⁾ Homil. I, с. IX, col. 469 C.

²⁾ Homil. VI, с. IV, col. 521 A.

³⁾ И по ученію Евангелія, „злые помыслы“ (διαλογισμοὶ πονηροί), исходящіе изъ сердца (ἐκ τῆς καρδίας), служатъ не только исходнымъ психологическимъ моментомъ, но и главнымъ, существеннымъ содержаніемъ злого, противнаго волѣ Божіей, направленія жизнедѣятельности чело-вѣка. Мѣ. XV, 19; ср. Мрк. VII, 21—22. По своему специфическому нравственно-психологическому содержанію διαλογισμός πονηρός оказывается очень близкимъ къ понятію πάθος, каковое, совсѣмъ не встрѣчаясь въ Евангеліи, только три раза употребляется въ Апостольскихъ Посланіяхъ. Римл. I, 26: „предать ихъ (язычниковъ) Богъ постыднымъ страстямъ“ (εἰς πάθη ἀτιμίας). Ср. 1 Θεсс. IV, 5: ἐν πάθει ἐπιθυμίας. Въ посл. Кол. III, 5—πάθος упоминается въ числѣ другихъ проявленій нечестія, какъ одинъ изъ видовъ нравственнаго зла. Ср. Grimm. Lexicon Graeco-Latinum in libros Novi Testamenti. Editio tertia. Lipsiae MDCCCLXXXVIII, p. 329. Cremer. Biblisch-theologisches Wörterbuch der Neutestamentlichen Gräcität. Siebente Auflage. Gotha. 1893, ss. 713—714. Въ Посланіяхъ Апостольскихъ основнымъ, исходнымъ моментомъ безнравственнаго, злого дѣла, которое самымъ своимъ проявленіемъ констатируетъ господство въ сферѣ внутренней личности чело-вѣка религиозно-нравственнаго уклоненія его отъ Бога,—представляется уже не λογισμός, а именно ἐπιθυμία. „Еπιθυμία“—къ чему-либо направленное, какъ бы привязанное къ своему объекту (на что указываетъ приставка ἐπι—) желаніе“ (Cremer., с. 428). Въ своемъ непосредственномъ значеніи это слово въ нравственномъ смыслѣ нейтрально, и его оттѣнокъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависитъ отъ ближайшаго опредѣленія (субъекта или объекта). Ср. Мрк. IV, 9: αἱ περὶ τὰ λογία ἐπιθυμίαι. — Въ нравственно добромъ значеніи ἐπιθυμία употребляется, напр., Лук. XXII, 15; ср. ст. 22; Филип. I, 23. 1 Сол. II, 17. Апок. XVIII, 14. Ближайшее, непосредственное, тѣсное отношеніе ἐπιθυμία къ πάθος отмѣчено Апостольскимъ выраженіемъ 1 Θεсс. IV, 5: μὴ ἐν πάθει ἐπιθυμίας. Въ частности у св. Ап. Іакова (I, 14) ἐπιθυμία,—не сопровождаемое никакимъ эпитетомъ, служить „исходной точкой отправления въ психологическомъ изображеніи возникновенія фактическаго грѣха“ (Свящ. Бурговъ. Православно-догматическое ученіе о первородномъ грѣхѣ (Кіевъ. 1904), стр. 38, примѣч.) и, слѣдов., въ немъ implicite уже мыслится качественно опредѣленное содержаніе съ дурнымъ оттѣнкомъ. Ср. 2 Петр. I, 4. У св. Ап. Іоанна въ частности указывается двоякая похоть—ἡ ἐπιθυμία τῆς σαρκός, καὶ ἡ ἐπιθυμία τῶν ὀφθαλμῶν, 1 Іоанн. II, 16. Ап. Павелъ упоминаетъ

никновенія страсти, но и средоточіемъ, *существеннымъ, центральнымъ элементомъ этого психическаго состоянія*, такъ что дѣйствительный ходъ постепеннаго развитія страсти въ душѣ, отъ начала до конца, опредѣляется собственно различнымъ отношеніемъ силъ и способностей человѣка именно къ «помыслу» ¹⁾ ²⁾).

С. Заринъ.

вообще о различныхъ похотяхъ (ἐπιθυμίαι ποικίλαι). 2 Тим. III, 6. Господство въ человѣкѣ похотей препятствуетъ ему быть „святымъ“ Ср. 1 Петр. I, 14, проводить добродѣтельную жизнь *ibid.*, II, 12 ср. ст. 11; IV, 3. Въ частности похоть ведетъ къ нечистотѣ (εἰς ἀκαθαρσίαν). Римл. I, 24. Достигнуть высшей христіанской цѣли—содѣлаться причастниками Божественнаго естества—можно не иначе, какъ „удалившись отъ господствующаго въ мірѣ растлѣнія похотью“ (ἀποφύγοντες τῆς ἐν κόσμῳ ἐν ἐπιθυμίᾳ φθορᾶς). 2 Петр. I, 4. По ученію св. Ап. Павла, въ „пожеланіи“ выражается конкретнымъ образомъ господство въ его природѣ и личности грѣха. Римл. VII, 8: „грѣхъ произвелъ во мнѣ всякое пожеланіе“ (πάσαν ἐπιθυμίαν). Нравственно-психологическимъ источникомъ ἐπιθυμίας служитъ *сердце*. Римл. I, 24: „Богъ предалъ ихъ въ похотяхъ сердець ихъ нечистотѣ“ (ἐν ταῖς ἐπιθυμίαις τῶν καρδιῶν αὐτῶν εἰς ἀκαθαρσίαν). Въ ἐπιθυμίᾳ выражается и вообще основное, господствующее *плотское* направленіе человѣческой личности. Гал. V, 16 ср. ст. 17. 1 Петр. II, 11. Еф. II, 3. Ἐπιθυμία въ специфически дурномъ смыслѣ въ частности называется: Ἐπιθυμία κακή (Кол. III, 5), ἐπιθυμίαι σαρκικαὶ (1 Петр. II, 11; 2 Петр. III, 18; ср. Ефес. II, 3 и др.), αἱ κοσμικαὶ ἐπιθυμίαι (Тит. II, 12) и проч. Ср. *Cremer*. S. 428—9, *Grimm*, S. 166. *Смирновъ*. Филологическія замѣчанія о языкѣ новозавѣтномъ въ сличеніи съ классическимъ при чтеніи посланія Ап. Павла къ Ефесянамъ (Москва. 1873), стр. 92—93 Ἐπιθυμία и λογισμός св. Писанія Нов. Зав. находятся между собой въ самомъ тѣснѣйшемъ соприкосновеніи по своему основному содержанію. Λογισμός (διαλογισμός) имѣетъ своимъ источникомъ „сердце“, т. е. внутреннѣйшее существо человѣка, которое и выражается въ „помыслѣ“, обнаруживая и проявляя въ немъ свои стремленія, свои специфическія особенности и наклонности. Вѣловой моментъ, слѣдов., присущъ этому акту несомнѣнно. Ср. Мѣ. IX, 4: Ἰησοῦς, видя помышленія (τὰς ἐνθυμήσεις) ихъ, сказалъ: для чего вы мыслите худое („лукавая“) въ сердцахъ вашихъ Мѣ. XVI, 7; ср. ст. 8; Мрк. II, 6, 8. Лук. V, 22. IX, 47. Ср. *Ниль Синайскій*. De monachorum praestantia. col. 1064CD: αἰσθησεως ἀτακτος ὁρμῇ ποιῆν εἴωθε λογισμὸν ἐμπροσθὶ ἐπιθυμίαν αἰσχροάν.

¹⁾ Отсюда страсть опредѣляется какъ „образовавшийся навѣкъ къ помыслу, внушаемому врагомъ и какъ бы постоянное о немъ помышленіе и мечтаніе“. *Ефремъ Сиринъ*. О добродѣтеляхъ и страстяхъ. Т. III. 429 В.—Ср. *Іоаннъ Лѣствичникъ*. Сл. XV, § 73, col. 897.

²⁾ Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки